

Михаил Сергеевич Ахманов

Дальше самых далеких звезд

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7156715

Михаил Ахманов. Дальше самых далеких звезд: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72715-5

Аннотация

Далекое будущее...

Маленькая сельскохозяйственная планета со странным названием Опеншо, столетия назад колонизированная людьми. Благоприятный климат, теплый океан. Маленькие городки с уютными кабачками. В любом из них так приятно посидеть за кувшином вина, поболтать с приятелем, завести знакомство со сговорчивой девчонкой. Но потомственный Охотник Калев и его напарник Весли Кинг не могут себе этого позволить. Неизвестный паразит завладел сознанием одного из колонистов. И хотя Охотникам не впервой уничтожать опасных зверей, здесь им пришлось столкнуться с врагом, угрожающим безопасности всей Галактики...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Ахманов

Дальше самых далеких звезд

Глава 1

Одержимый

Эта сельскохозяйственная планетка звалась Опеншо. Мелкая, немного крупнее Марса, но приятная: три зеленых континента, острова – что клумбы с цветами, живописные горы и теплый бирюзовый океан. Ни пустынь, ни льдов, климат – райский, тяготение – три четверти стандартного... Собственно, Кaleb завернул сюда в надежде отдохнуть и прокутить заработанные на Сервантесе деньги. Что ни говори, Свободный Охотник тоже нуждается в отдыхе, тем более после randevu с саблезубыми крысами. Выбрав уютный отель в приморском городке, он отдыхал целую декаду, пил сладкое розовое вино, встретил сговорчивых девочек, а потом наткнулся на Весли Кинга. Тот не отдыхал, собрался поработать, но работа, кажется, была ему не зубам. Весли никогда бы не обмолвился об этом, но читалась в его глазах смутная тревога – пожалуй, даже опасение. Не хотел он рисковать без партнера, что неудивительно при их занятиях... Кaleb, уже почти забывший о крысах с Сервантеса, решил ему помочь. Опять же деньги лишними не бывают, а Монастыри платили щедро.

Он стоял на платформе у подножия холма, разглядывая изгибавшийся над речным потоком каменный мост и руины древнего города на другом берегу. Холм седлала широкая цилиндрическая башня Монастыря, по пологому склону растопыренными пальцами тянулись улочки с крытыми черепицей домами, а еще ниже торчал среди каменных плит остроконечный шпиль часовни – там, вероятно, было кладбище. На равнине, засаженной виноградниками и фруктовыми рощами, виднелись и другие строения – фермы с давальнями и сараями для скота, хрустальный куб энергостанции, а за ним – приземистое здание консервной фабрики. Тепло, небо ясное, солнце как серебряный глаз, с реки тянет свежим ветерком... Мирная картина! Самое время сесть в таверне под полосатым тентом, выпить вина и завести знакомство с какой-нибудь красоткой... Но все кабачки и таверны в поселке закрыты, все жители здесь – стоят плотной толпой, тихо шепчутся, словно пчелиный рой жужжит. Те, что повыше, – потомки колонистов, а местные на эльфов похожи – гибкие, хрупкие, безбородые, тонкие в кости. Наверное, кажется им, что если собратиться кучей, будет не так страшно.

– Чего ты ждешь, сын Охотник? – спросил брат Павел, переступая с ноги на ногу. – Вот мост, вот развалины, а в них – одержимый убийца! Хорошо бы покончить с ним до вечерней зари. Если ночью он опять придет...

Голос монаха прервался – он тоже был напуган. До смерти!

Кaleb окинул его быстрым взглядом. Высокий, но лицо узкое, бледное, на скулах зеленоватые пятна, борода – три волоска... Метис, как и многие в этом мире. Дело понятное, колонисты здесь живут почти тысячелетие. Или больше?... В общем, хватило времени, чтобы перемешаться...

– Во имя Жизни и Света! Что ты молчишь, сын? – Монах вцепился в край платформы узловатыми пальцами. – Отправляйся в город! Тебе заплатили!

– Не торопи меня, брат Павел. Я размышляю, – буркнул Кaleb.

– И долго ты будешь думать?

– Пока твоя моча не посинеет. Мне заплатили, верно... Но ты ведь не хочешь, чтобы плата пропала, а я остался здесь, под травкой? – Кaleb махнул рукой в сторону кладбища.

Там хватало свежих могил. Очевидно, монах тоже подумал об этом – насупился, отошел в сторону и, вытащив из рукава хламида алый молитвенный кристалл, беззвучно зашевелил губами. Вряд ли его молитвы спасали от одержимого – брат Павел явно не был адептом.

Похоже, и в других монастырях Опеншо адептов не нашлось, раз наняли Охотника...

Не нашлось, так платите, трутни бесполое, с усмешкой подумал Калев, прислушиваясь к бормотанию в толпе. Острота чувств была столь же необходима в его профессии, как лучемер или защитная броня, но, в отличие от оружия, этот врожденный дар не продавался, и никакие имплантаты его не заменяли. Разглядывая город на речном берегу, он следил за игрой теней среди рассыпавшихся бесформенными кучами руин, втягивал теплый воздух, насыщенный множеством запахов. Дым очагов, свежий аромат воды, нагретый солнцем камень, смрад, которым тянуло от загонов с животными, запахи пота, кожи, дешевых благовоний, витавшие над толпой... Запах страха, знакомый Охотнику и одинаковый повсюду, где людей подстерегает смерть.

В толпе бормотали:

– Червь... это червь...

– Червь заползает ночью в ухо, а он ходил в город... днем ходил...

– Нет у нас червей... много лет не попадались... А клещ встречается...

– Клещ не делает одержимым...

– Это смотря какой клещ, съон Жерард... Те, что с Туманного острова, они...

– Прошлой ночью высосал Кенрика-портного... Кенрика и всех его семейных... жену, дочь и сына-младенца...

– Мы напротив Кенрика живем, а ничего не слышали...

– У кого червь в голове, тот сам как червь... тихо ползет, не услышишь...

– Говорю, съона, не червь это, а клещ с Туманного острова!..

– Клещ! Где мы, а где тот остров! Как он сюда попал?..

– Они, слышь, летучие...

– Может, не червь, не клещ, а слизень-мозговерт... эти тоже до крови охочие...

Тяжелый вздох, потом шепот:

– Бедная Инес... Уже шестнадцать высосал... скажут, все на ней... зачем Гауба в город пустила?..

– Нет в том ее вины. У Гауба нрав упрямый! Все знают!..

– Надо бы ей очиститься...

– Монастырские исповедают и очистят. Это по ним, а как с одержимым совладать, они в сторону. Хорошо еще, Охотников наняли...

– Сами боятся, вот и наняли...

Толпа раздалась, из нее вынырнул Весли Кинг, тащивший за руку молодую женщину. Люди шарахались от Охотника – в пластиковой шипастой кирасе был он широким, громоздким, похожим на сказочного великана. Сверкали на бедрах клинки в магнитной подвеске, глядел из-под локтя черный зрачок «гаррисона», топорщились рассованные по карманам фризеры, баллоны с газом, лучевые ножи, подрагивал ствол огнемёта над шлемом. По сравнению с ним женщина казалась былинкой около дуба.

Выглядит на двадцать пять, решил Калев. Очевидно, столько и есть; люди тут небогатые, реверсия им не по карману.

– Вот! – Весли подтолкнул женщину к платформе. – Съона Инес ар ‘ Гауб. Супруга нашего клиента.

Монах перестал молиться, спрятал свой кристалл и повернулся к женщине.

– Что вам от нее нужно, Охотники? Она пребывает в печали и горести, и тут ей не место! Пусть возвращается в Монастырь!

– Вернется, если пожелает, а сейчас я хочу ее расспросить, – произнес Калев. – Закрой рот, монах!

Он уселся на краю платформы, свесил ноги и еще раз окинул женщину взглядом. Лицо бледное, заплаканное, темные волосы в беспорядке, но одета аккуратно и выглядит вполне вменяемой... Хотя в печали, а соображения не лишилась.

– Скажи мне, сына Инес, когда твой муж не вернулся домой?

Калев говорил тихо, стараясь не напугать женщину.

– Восемь дней прошло, сын Охотник, – прошептала Инес.

Восемь дней, шестнадцать погибших... Обильная пища! Наверное, тварь размножается или скоро к этому приступит, подумал Калев. Червь, клещ, слизень, не так уж важно, времени хватит для любого паразита.

– Он ходил в город. Зачем?

– Искал всякое... статуэтки, черепки с надписями, печати из камня... За это хорошо платят, – пояснила женщина, размазывая слезы по щекам. – Искал старинные вещи.

– Вот и доискался... – пробормотал Весли Кинг.

Калев зыркнул на него, дернул бровью – мол, знай свое место и не мешай. Весли не относился к избранным, то есть к Потомственным Охотникам, и стоял в Реестре Братства где-то в третьей сотне. Если бы дело касалось крыс, гигантских пауков с Биквары и другой такой же нечисти, можно было бы довериться его опыту и сноровке. Что там крысы и пауки?.. Безмозглые твари, стреляй да стреляй... Паразиты, способные овладеть человеческим разумом, считались гораздо опаснее.

– Твой муж что-то рассказывал про эту помойку? – Калев кивнул в сторону руин. – Где он копался, какие здания осматривал, что видел? Не плачь и постарайся вспомнить.

Инес шмыгнула носом.

– Вы его убьете, да? Убьете моего Гауба?

– Непременно, – пообещал Весли Кинг, и женщина разрыдалась.

– Весли, заткни пасть, – сказал Калев. – А ты, сына, не разводи сырость и отвечай. Гауб умер восемь дней назад. В городе сейчас не он, а кровожадный монстр. Хочешь, чтобы эта тварь еще кого-нибудь сгубила? Твоих близких, твоих соседей, их ребятишек?

Это подействовало. Инес вытерла слезы и прошептала:

– Пруд...

– Что – пруд?

– На площади... Гауб говорил, там есть пруд... Он садился у воды, чтобы отдохнуть...

– Пил эту воду?

– Нет. Мутная, грязная... Я давала ему еды и улох... он любил улох...

Напиток из местных ягод, припомнил Калев и спросил снова:

– Может быть, умывался в этом пруду? Дни стоят жаркие, а копать в земле – труд нелегкий.

– Может быть. Не знаю, сын Охотник...

Больше из нее ничего не вытянуть, решил Калев и, вздохнув, поднялся на ноги.

– Залезай на платформу, Весли. Отправляемся.

Гравиплатформа покачнулась и слегка осела – даже здесь, при пониженном тяготении, Кинг весил изрядно. В толпе загомонили, замахали руками; кто-то подбросил в воздух горсть изюма и зерна – на удачу. Брат Павел снова вытащил прозрачный шарик и принялся читать молитвы. Инес ар ‘ Гауб опустила голову и спрятала лицо в ладонях – должно быть, не хотела, чтобы видели ее слезы.

– Пруд, – задумчиво произнес Калев, – пруд с мутной водой...

Не там ли его подцепили?..

– Думаешь, гидра? – Весли побледнел и машинально стиснул рукоять «гаррисона».

Не ответив, Кaleb хмуро устался на развалины за рекой.

Древний город выглядел темным, мрачным, угрожающим – груды перемешанной с мусором щебенки, провалившиеся кровли, обломки колонн, стены, оплетенные лозой, каменные глыбы, на которых некогда покоились укрепления с башнями, теперь рассыпавшимися. Город был возведен не колонистами со звезд, а каким-то народом Опеншо, обитавшим тут в незапамятные времена. Очевидно, планета знала эпоху величия, которая, как и в других населенных людями мирах, раньше или позже сменялась упадком. Качели истории то возносились к небесам, обещая могущество, процветание и вечную жизнь, то погружали человечество в пропасть дикости и забвения. Так было, пока не появился двигатель Берроуза, объединивший Галактики, а вместе с ним – системы искусственного интеллекта, гравипривод, биологическая реверсия, общий язык и прочие дары прогресса.

Платформа проплыла над заросшим травой берегом и спустилась к реке. Управлявший ею автомат почему-то не свернул на мост, решив форсировать водную преграду по воздуху. Впрочем, для таких летательных аппаратов не имело значения, что под днищем, земная твердь или текучие воды; платформа не нуждалась в опорной поверхности, двигалась неторопливо, зато была очень надежным устройством.

Кaleb проверил снаряжение, закрепленное на поясе и броне, вытащил из кармашка над коленом крохотный инъектор, покачал головой и вернул его на место. Затем обернулся, бросил взгляд на склон холма, застроенный домами, на приземистую монастырскую башню и зеленую равнину, тянувшуюся до самого горизонта. Чуть заметно покачиваясь, платформа шла к другому берегу, слева выгибался изящными арками мост, внизу и справа стремились к морю светлые речные воды, и небосвод, крыша этого тихого уютного мира, сиял нежной лазурью. Красивая планетка! Правда, название подкачало – почему Опеншо?.. Может, это имя первооткрывателя?.. Почему бы и нет!.. Во Вселенной сотни тысяч обитаемых миров, названий на них не напасешься! Как-то Кaleb отстреливал зубастых чудищ на планете Шесть с Половиной, что делала оборот за шесть с половиной стандартных часов, а на Пьяной Топи еле вылез из болота, кишевшего ядовитыми пиявками. Опеншо все же лучший вариант. Хотя, если подумать о гидре...

Они выбрались на берег у развалин крепостной стены. Спрыгнули на землю, одинаковым движением опустили лицевые щитки, приготовили оружие. Потом Кaleb сказал:

– Работаем, Весли. Дистанция четыре шага. Вперед!

В стене нашлись ворота. Башни, некогда соединенные арочным пролетом, давно рухнули, их останки торчали как пара сгнивших зубов в рассыпавшейся челюсти гиганта. Поодаль выглядывал из кучи щебня каменный идол – пасть ощерена, когтистая лапа с угрозой поднята вверх. Друг за другом Охотники перебрались через груды мусора, поросшие колючими кустами, и вступили в город.

Открылась улица – узкая, как лезвие ножа. На всю длину она не просматривалась, делала резкий зигзаг метрах в семидесяти от приворотных башен. По обе ее стороны лежали руины зданий: стены из потемневшего камня поднимались выше человеческого роста, мостовая была засыпана битой черепицей и каменными обломками, кое-где над стенами торчали покосившиеся трубы очагов. Судя по отсутствию костей и других признаков насилия, город не был захвачен врагами, разрушен или сожжен – жители сами покинули его, оставив в жертву времени, и над ним потрудились только солнце, ветер и дожди.

По сигналу Калеба платформа отстрелила зонд. Небольшой диск взмыл в небеса, замер, слегка покачиваясь, над руинами, и у левой перчатки Охотника тотчас вспыхнул маленький экран. Он всмотрелся в призрачное изображение. Улицы, изломанные резкими поворотами, стягивались к центральной площади, которую окружали более крупные и массивные здания – возможно, храмы или дворцы; их стены, подпертые контрфорсами, были выше, чем на городской окраине, рухнувшие кровли позволяли разглядеть хаос внутренних

помещений. В середине овальной площади темнело пятно неправильных очертаний; вероятно, в прошлом там был колодец, но с течением лет ливни и подземные воды размыли почву, уничтожив всякий след искусственного сооружения. Теперь это было крохотное, похожее на кляксу озерцо, и рядом с ним пульсировала алая точка.

– Он на площади, у водоема, – произнес Весли. – Похоже, парня мучает жажда.

– Не думаю. – Кaleb покачал головой. – Вампир, который пьет кровь, не нуждается в другой жидкости. Он охраняет этот пруд.

– С чего бы?

– Там, в воде, его потомство. Обильная пища, влага, тепло и несколько дней безопасности, все, что надо для размножения... – Кaleb смолк, взглядываясь в экран, потом пробурчал: – Будь я проклят, Весли! Это гидра, теперь я уверен! Придется попотеть.

Лицо напарника омрачилось. Однако Весли Кинг все же был Охотником, пусть не из первой сотни. Крепче стиснув ствол лучемета, он выдавил кривую усмешку и пробурчал:

– Заботливый родитель! Раз так, не придется искать его в этой куче дерьма. Сам прибежит, когда мы подморозим водичку!

– Прибежит, не сомневайся.

С этими словами Кaleb зашагал по улице. Чувства его были напряжены; он глубоко втягивал ноздрями воздух, слушал, как потрескивают раскаленные на солнце камни и шуршит, осыпаясь, щебенка.

Улица резко вильнула влево, потом вправо. Сквозь дыры в стенах, что были когда-то окнами, он видел комнаты, залы, коридоры, заваленные смешанной с камнями землей и горами мусора. Иногда в этих древних напластованиях попадались следы раскопок, ямы и траншеи, обрамленные валами грунта, залитые грязной водой, полусасыпанные или почти слившиеся с почвой. За минувшие тысячелетия в городе шарил не одна сотня искателей сокровищ, и Гауб, конечно, не был первым. Те, что копались тут раньше него, рисковали, что рухнут им на голову стены, или засыплет в шурфе, или провалится земля, похоронив неудачника в какой-нибудь пещере. Но, в сравнении с ними, супругу сыны Инес очень уж не повезло – наткнулся на такую тварь, что в страшном сне не приснится. Должно быть, принесли ее подземные воды, а как она попала в водоток и вообще на планету – разговор отдельный и для Гауба совсем неинтересный. Гаубу теперь одна дорога – под излучатель или клинок.

Улица, которой шли Охотники, становилась все уже – пожалуй, раскинув руки, Кaleb сумел бы дотянуться до противоположных стен. Несомненно, строители сделали это с какой-то целью – не исключалось, оборонительной; перекрыть проход не составляло труда, и десяток умелых бойцов мог бы сдержать тут целую сотню. Неплохо для древних воинов, но Охотникам эта улица-щель казалась ловушкой: под ногами – россыпи черепицы и камней, ветхие стены грозят обрушиться, обзор неважный, и нет места для маневра. Но висевший над городом зонд посылал четкую картину, и алая точка по-прежнему мерцала рядом с водоемом.

– Давай-ка поглядим, чем он занят, – промолвил Весли Кинг, увеличивая изображение на экране. – Никогда не встречал парня с этой тварью в башке. Может, у него щупальца отросли, а?

– Гидра не метаморф, изменять обличье не умеет, – отозвался Кaleb. – И она не в голове сидит, а на спине у шеи, там, где крупные сосуды, снабжающие кровью мозг. На горб похоже. – Сделав паузу, он добавил: – Видел такое на Планете Башен... один-единственный раз...

Воспоминание было не из приятных, как и другие случаи одержимости, когда мерзкая тварь завладевала человеческим телом и разумом. Люди обитали на мириадах планет Великих Галактик – как правило, под светом стабильных звезд, где соблюдался необходи-

мый для гоминидов баланс тепла, гравитации, влажности и состава атмосферы. Повсюду разумный вид был частью экосистемы, включавшей растения и животных, насекомых, рыб и микроорганизмы; эта бурная жизнь нередко порождала особые эндемики, не опасные для автохтонов, но неизвестные в других мирах. В эпоху космических полетов эти формы случайно или намеренно переносились с планеты на планету, мутировали в новой среде обитания и иногда превращались в чудовищных полуразумных монстров, не питавших к человеку должного почтения. Обычно эти паразиты, мокрицы, черви, гидры, клещи, внедрялись в человеческую плоть и, подсоединившись к ведущим в мозг нервным окончаниям, подчиняли носителя. Результат такого симбиоза зависел от свойств твари: сравнительно безобидная мокрица, питавшаяся желудочными соками, побуждала человека есть; черви и клещи затуманивали разум, вызывая симптомы, сходные с шизофренией и манией преследования; гидра превращала носителя в вампира. Избавиться от паразитов медицинским путем удавалось не всегда, и самый надежный способ предусматривал уничтожение твари вместе с носителем. Что, однако, было непростой задачей.

– Гляди-ка, он голый! – произнес Весли за спиной Калеба.

– Валяется у этой лужи кверху причиндалами! Может, спит? Или сдох?

Кaleb покосился на экран у левого запястья. Нагой человек лежал на спине, опустив руку в водоем, и хоть выглядел он таким же, как любой представитель гомо сапиенс, в лице его не было ничего человеческого. Черты застыли гротескной маской: закрытые глаза во ввалившихся орбитах, обтянутые бледной безволосой кожей челюсти, лоб, рассеченный резкими морщинами. Наверное, сыона Инес сейчас не узнала бы своего мужа – он постарел лет на сорок.

– Скелет, – пробормотал Весли Кинг, – похож на скелет. Вон как ребра выпирают... и мослы торчат... На вид задохлик!

– Только на вид, – уточнил Калеб.

Выбравшись к неширокому завалу в конце улицы, они замерли по обе стороны этой баррикады. Несколько разбитых колонн и камни рухнувшего дворца или, возможно, святилища надежно скрывали Охотников, позволяя без помех разглядывать площадь. На ней тоже хватало мусорных куч и холмов, так что с их позиции одержимый не был виден. Не повезло! – мелькнула мысль у Калеба. Отстрелить бы руку или ногу, тварь была бы не такой подвижной...

Перехватив ствол «гаррисона», он приказал:

– Сбей камешек вон с той кучи, Весли. Надо его поднять.

Яркий луч ударил в каменную глыбу, полетели осколки, взвилось пыльное облако. В тот же миг над завалами промелькнула белесая тень, стремительная, как всплеск молнии; одержимый двигался так быстро, что взгляд не успевал зафиксировать, где он находится в данный момент. Калеб выстрелил – раз, другой, третий; огненные стрелы лучемета пронзили воздух, в дальнем конце площади посыпалась цветная плитка с какого-то дворца, потом весь фасад с грохотом рухнул в тучах пыли.

– Седьмое Пекло! Не попал! – с разочарованием произнес он.

Даже для Потомственного Охотника цель была слишком быстрой.

– Шустряк! – откликнулся Весли Кинг. – Ну, и где он теперь?

Алая точка на экране переместилась в развалины на правой стороне площади. Стоит неподвижно, отметил Калеб, стоит, ждет. Не человек, конечно, но тварь сообразительная. Понимает, кто за ней явился.

– Идем к водоему. – Он кивнул в сторону площади. – Дистанция прежняя. Услышишь шорох или заметишь что-то, стреляй. Из огнемета стреляй, у него сектор поражения больше.

– Погоняем его в развалинах?

– Нет. Сам придет, чтобы нас убить. В пруду его потомство.

Охотники осторожно двинулись вперед, перебираясь с одной груды камней на другую. Здания, окружавшие площадь, сохранились лучше, чем у городских ворот, и выглядели величественно: ряды колонн, разделенных арками, каменная резьба и мозаика на остатках фронтонов, переломанные статуи в нишах и роспись внутренних стен – потускневшая, но сохранившаяся совсем неплохо. Настоящие археологи никогда здесь не работали, иначе фрески и мозаики, вырезанные вместе со стенами, обломки изваяний, каменные шпильи и завитушки давно находились бы в каком-нибудь музее или в частных коллекциях. Но в Великих Галактиках было столько планет с древними заброшенными городами, что исследовать их все казалось невозможным и ненужным. Копали там, где древние культуры могли обогатить галактическую цивилизацию особо ценными предметами искусства, копали на Офире и Планете Башен, на Шамбале, Земле и Полярной, на Седьмой Айра в Магеллановых Облаках и, разумеется, на Авалоне.

Пространство вокруг прогретого солнцем озера было расчищено, камни сложены в невысокий барьер поодаль от воды. Она выглядела темной, мутной, и на ее поверхности колыхались и подрагивали тонкие блестящие нити – псевдоподии, выпущенные зародышами гидры. При виде их Калев ощутил, как по спине холодной лапой прошелся ужас. Взрослая гидра выбрасывала нити с невероятной быстротой, прокалывала кости черепа сразу в нескольких местах и подсоединялась к мозгу, превращая человека в одержимого, в покорного носителя. Из всех паразитов она была самой опасной и неуловимой; случалось, что в зараженных гидрами районах уничтожали все живое с помощью фризёрных бомб. Холода гидры не выносили.

– Бросай гранату, – распорядился Калев. Ствол его лучемета смотрел на полуобвалившееся здание с шеренгой шестигранных колонн.

Тварь затаилась там, как подсказывали приборы зонда.

Цилиндрик фризёра булькнул, упав в водоем, и его середина сразу подернулась ледяной коркой.

– Еще гранату, – промолвил Калев, не спуская глаз с развалин.

Весли вскинул руку, но бросить фризёр ему не удалось – быстрое, почти незаметное глазу движение за спиной Охотника, и он с воплем повалился наземь. Калев успел выстрелить лишь один раз и тут же послал в спину одержимого струю из огнемёта. Пламя растеклось по земле, опалило камни, но монстр снова ускользнул. Он был словно незримый призрак, оседлавший ураган.

– И все же я тебя достану, тварь! – процедил Калев сквозь зубы, направляясь к Весли. Броневой щиток на плече партнера треснул от страшного удара, но все же спас его руку, а возможно, и жизнь. Проклиная ублюдочных тварей во всех Галактиках, Старых и Новых, Весли поднялся на ноги, сдвинул щиток, ослабил крепления панциря и осмотрел плечо. Кожа под щитком посинела, пятно огромного кровоподтека тянулось от шеи до бицепса, но кости, похоже, были целы.

– Крысиная задница! Он едва мне руку не оторвал!

– Это гидра, – хмуро напомнил Калев. – Когда пищи вдоволь, метаболизм ускоряется, реакция фантастическая и огромная сила... Рука действует?

– Да, хвала Творцу Бозону! – Весли наклонился и подобрал откатившийся в сторону фризёр. – Ты его зацепил?

– Не удалось. Очень быстрый. – Калев уставился на водоем. – Но он не уйдет и будет нападать снова и снова.

Весли тоже посмотрел на воду с колыхавшимися на поверхности нитями и выдавил кривую усмешку.

– Хороша приманка, а? Я брошу пару фризёров, если ты не против. Вдруг тебе следующий раз повезет.

– Бросим вместе. – Калевб тоже вытащил гранату. – Но лучше бы встать у камней, что справа от водоема. Все же укрытие...

Озираясь и поглядывая на экраны, Охотники переместились к высокому каменному валу. Местное светило прошло зенит, но все еще палило, как в преисподней. В броне было жарко, по спине и с висков катились струйки пота, ствол «гаррисона» жег ладонь через перчатку. Над камнями и грудками щебня плясали в раскаленном воздухе пыльные смерчи, лед в середине пруда быстро таял, вода, пусть темная, мутная, манила обещанием прохлады.

– Давай, – сказал Калевб. – Думаю, хватит четырех фризеров.

Две гранаты полетели в воду, затем еще две. Водоем мгновенно замерз до самого дна, монолитную ледяную глыбу с грохотом выперло из берегов, лед пошел трещинами, заскрежетал, но эти звуки были перекрыты тонким пронзительным воплем. Мнилось, что его испускает какой-то зверь, а не горло человека – вернее, существа, не так давно принадлежавшего к человеческому роду. Этот стон отчаяния или ярости еще висел в воздухе, когда грохнули падающие камни и под стремительными шагами взвизгнула щебенка.

– Берегись! – выкрикнул Калевб, вскидывая излучатель. В следующий миг какая-то необоримая сила повернула ствол к небу и разряд ударил в каменный зубец над ближним зданием. Жуткое лицо с оскаленными зубами возникло перед Охотником, пальцы-крючья вцепились в плечи, пытаясь смять броню, и Калевб упал, выпустив лучемет. Вместе с противником он покатился по щебенке, чувствуя, как прогибаются, вдавливаются в тело броневые щитки. Солнце и небо словно подпрыгивали над ним, он был то сверху, то снизу, его руки сжимали ребра монстра, и на какую-то долю секунды он даже различил, как трещат, ломаясь, кости одержимого. Усилие, с которым Калевб стискивал противника, передалось броне, из ее сочленений выхлестнули шипы, браслет на запястье освободил клинок из нитридной стали, его рукоятка привычно легла в ладонь. Он хотел дотянуться до горба за плечами одержимого, но не получилось. Тогда он ударил его в правый бок под ребрами, стараясь добраться до печени. Вероятно, чудовище все же ощущало боль – тварь с визгом отпрянула, ринулась к развалинам, и Охотник, привстав на колено, пустил вдогонку струю пламени из огнемёта над шлемом. Он смог заметить, как почернела и повисла клочьями кожа на спине одержимого, потом монстр скрылся за полуразрушенной стеной. Раны и ожоги будто бы не сказались на скорости его движений.

Схватив лучемет, Калевб стремительно поднялся. Помятые щитки царапали плечи, ручьи пота текли по спине и щекам, жгли глаза, но его сердце билось ровно. Он был готов сражаться, стрелять, рубить клинком, рвать противника голыми руками, если вдруг лишится оружия. Здесь, на Опеншо, он столкнулся с одержимым вампиром, одной из самых опасных тварей в Галактиках, он мог проиграть и погибнуть, но это не значило ровным счетом ничего. Опасность была нерасторжима с ремеслом Охотников, и их путь нередко вел в долину смертной тени.

С клинка падали капли крови. Весли Кинг, не успевший отреагировать на внезапную атаку, с хрипом втянул воздух и хлопнул рукой по бедру.

– Достал! Ты все-таки его достал!

– Достал, но не убил, – с угрюмым видом буркнул Калевб.

– Через пару минут он будет в порядке. Регенерация идет быстро.

Они направились к водоему. Огромная ледяная глыба вздымалась над землей, и в ее глубине темнели бесформенные пятна. Лед уже начал таять, капля за каплей прокладывали дорогу по его иссеченной трещинами поверхности, но зародыши гидры были мертвее мертвого.

– Может, зря мы их так? – сказал Весли Кинг. – Приманки теперь нет, и ничто не мешает клиенту удалиться. Не хотелось бы отслеживать его в этих развалинах.

Калевб покачал головой.

– Он не уйдет.

– Ты уверен?

– Да. Мстительная тварь! Попробует нас прикончить.

Алая точка на экране быстро перемещалась, дьявол-кровопийца кружил вокруг водоема и площади, ждал, когда затянутся раны. Это не должно было занять много времени.

– У тебя есть зелье. Я видел, – произнес Кинг, и его взгляд метнулся к кармашку под коленом Калеба – туда, где лежал крохотный иньектор. – Может быть, вколешь?

– Нет.

– Почему?

– Вдруг я не успею с ним разобраться и вырублюсь. Тогда он убьет нас обоих.

– Ну, так вколи мне.

Калеб с минуту размышлял, затем промолвил:

– Ты, приятель, с ним не справишься даже с зельем, и мне придется стеречь твое бесчувственное тело. Без обид, Весли. Наша работа не прощает ошибок.

– Согласен, – сказал партнер. – Что будем делать? Гоняться за ним по этой древней свалке?

– Гоняться ни к чему, сам нас найдет. Вернемся к реке, выманит его на открытый берег.

– Думаешь, он пойдет за нами, чтобы отомстить?

– Не только поэтому. – Калеб бросил взгляд на солнце. – День в самом разгаре, а он с ночи ничего не ел, зато побегал изрядно. Он уже голоден, и мы – ближайший источник пищи.

Весли ухмыльнулся.

– Это вдохновляет! Но придется идти той же узкой щелью... – Он сверился с изображением на экране. – Впрочем, другие щели еще уже. Проклятый город! Никакого места для маневра!

– Значит, почаще оглядывайся и держи оружие наготове, – буркнул Калеб и направился к завалу, отделявшему площадь от улицы.

Они перебрались через обломки колонн с капителями в виде когтистых хищных лап, миновали расколотую надвое балку архитрава и разбитый фриз – с него топорщился какой-то страшный демон, окруженный змеями. Если эти руины были святилищем, подумал Калеб, то поклонялись тут не очень приятным богам. Когти, клыки, разинутые пасти, хвосты с шипами... Подходящий антураж для монстра-кровопийцы.

Они двигались по самой узкой части улицы, между руинами домов, кое-где увенчанных зубцами и пилонами. Весли, соблюдая дистанцию, шел в четырех шагах за партнером, под его башмаками скрипела и трещала щебенка, но Калеб различал и другие звуки – едва заметный шорох справа и шлепки, точно босые ноги касались камней. Охотники шагали к воротам, выходящим к мосту, и алая точка на экране упорно тянулась за ними. Одержимый был здесь, скрывался за стенами в нескольких метрах, и теперь его вела не только жажда мщения, его гнал голод. Может быть, голод затуманил остатки его разума, и Охотники уже не казались ему опасными; может быть, он считал их только лакомой добычей, бурдюками с кровью. В таком случае...

Шорох за полуразрушенной стеной сделался громче, и Калеб, рванувшись вперед, крикнул:

– Беги, Весли! Быстрее!

Но партнер не успел. Полетели обломки, потом стена с шумом и скрипом осела, камень ударил Кинга по шлему, другой свалился на плечо с поврежденным щитком. В широком провале на месте рухнувшей стены возник белесый призрак – жуткий, перемазанный запекшейся кровью, покрытый пылью. Какую-то долю секунды Калеб смотрел в его глаза, такие же непроницаемо темные и ледяные, как разделяющий Галактики мрак. Долгим ли было это мгновение?.. Он не знал, он мог сказать лишь одно: наверняка меньше, чем требовалось

пальцу, чтобы нажать на спуск. Излучатель плюнул молнией, но одержимый уже исчез, будто растворился в хаосе стен, покосившихся труб и холмов мусора.

Весли стоял бледный, покачиваясь и мотая головой, его правая рука висела плетью.

– Хрр... ну, здоровый ч-черт... н-надо же, сте... стену об-рушил... – пробормотал парт-нер, хрипя и заикаясь. Потом добавил, справившись с голосом: – Кажется, у меня сломана ключица. Я сейчас, сейчас...

Он ткнул клавишу на поясе, под нагрудным панцирем пискнула аптечка, и щеки Весли начали розоветь.

– Идти можешь? – спросил Кaleb, посматривая на экран. Алая отметка мерцала довольно далеко, метрах в ста двадцати, судя по масштабной сетке.

– Могу. И могу стрелять! – Кинг поднял левую руку с излучателем.

– Тогда двигаемся. Держись ко мне поближе.

Они успели сделать лишь несколько шагов, когда стена на повороте улицы рухнула, перегородив проход новым завалом. Кaleb отреагировал мгновенно – камни еще падали, когда он начал стрелять. Излучатель Весли добавил огня, его оружие было выставлено на максимум, и перед Охотниками вспыхнул плазменный фонтан. От него тянуло нестерпимым жаром, каменные глыбы трескались и осыпались мелкой пылью, столб багрового пламени с ревом поднялся к небесам. Казалось, ничто не может уцелеть в этом подобии ада, тем более живое существо.

– Жив, поганец, – с досадой молвил Весли, посмотрев на экран. – Разве что пятки ему подпалили.

Пламя опало, но обломки камней еще светились тусклым багрянцем, и ветер кружил над ними облако раскаленной пыли. Охотники обошли это место стороной, пробираясь среди полуразрушенных стен и куч мусора, перепрыгивая через ямы и залитые водой траншеи, след бывших раскопок. Узкая часть улицы осталась позади, до ворот было рукой подать. Монстр упорно тащился за ними, однако не атаковал – возможно, ему не только пятки подпалило, и гидре пришлось заняться восстановлением сгоревшей плоти. Слишком быстрая регенерация истощала организм носителя и не могла продолжаться вечно, но тварь, угнездившуюся в человеке, это не беспокоило – в ее распоряжении имелись другие особи, сотни, тысячи тел. Она могла выпить кровь из любого жителя поселка или перебраться в него, оставив Гауба обескровленным трупом.

«Удастся ли выманить его на берег?.. Устроить бы засаду, благо приманка найдется...» – размышлял Кaleb, всматриваясь в увеличенное изображение на экранчике. Зонд, не выпускавший одержимого из вида, висел метрах в сорока над городом. С высоты несчастный Гауб походил на тощую скорченную обезьяну, прыгавшую по камням с невероятной быстротой. Горб высоким острым конусом торчал между его лопаток, и казалось, что к спине человека приклеили странный колпак, обтянутый бледной кожей.

От реки напозла туча, закрыла солнце, небо потемнело, стал накрапывать дождь. Его струйки шелестели, ударялись о шлемы и броню, заливали лицевые щитки. Кaleb включил обдув. Весли, шагая за ним след в след, пробормотал:

– Так и не достали ублюдка... Клянусь Великими Галактиками! Непонятно даже, кто за кем охотится!

Кaleb не откликнулся. Они вышли из ворот и остановились на пологом речном берегу, вслушиваясь в шуршание дождя. Гравиплатформа покачивалась у воды справа от них, слева тянулась древняя дорога, ведущая к мосту. До вечера было еще не меньше четырех часов, но тучи плотно затянули небо, свет померк, дождь сделался сильнее. Прищурившись, Охотник смог различить холм за рекой, монастырскую башню, дома и толпу на окраине поселка. Люди стояли под дождем, и, похоже, никто не уходил, никто не прятался под крышей; должно быть, они боялись ночи и одиночества.

Весли содрал разбитый щиток, его правое плечо, опухшее и побагровевшее, было обнажено. Препарат, введенный аптечкой, еще действовал, нейтрализуя боль, но выглядел партнер неважно, хотя храбрился и крепко сжимал излучатель левой рукой. Зарастить перелом для любого хирурга – не проблема, но сейчас рассчитывать на Весли как на боевую единицу явно не стоило. Зато он мог пригодиться в ином качестве.

Осмотрев его, Калев буркнул:

– Вид подходящий. Еще бы кровь тебе пустить... От крови он совсем осатанеет.

– Ты что... – начал Весли, но тут же захлопнул рот. Кажется, понял.

– Отдай мне излучатель, шлем, клинки и лучевые ножи, – распорядился Калев. – Кинжал можешь оставить, только спрячь подальше. – Он принял оружие Весли. – Устройись перед воротами, пусть он тебя сразу разглядит. Поза – по твоему выбору, но так, чтобы было ясно: бифштекс готов и полит соусом.

– Может, еще фазана на вертеле изобразить? – проворчал Весли, но послушно отправился к воротам, бросив на ходу: – Надеюсь, в этот раз ты не промажешь. Он лег на размокшую землю, подтянул колени к животу и замер, представившись полумертвым и совсем беспомощным. Дождь барабанил по его голове и нагому плечу, темный проем ворот с руинами башен казался драконьей пастью, готовой поглотить Охотника. Калев опустил на колени за платформой, щелкнул кольцами настройки на стволе излучателя. Минимум мощности, и поражающий конус не больше доли миллиметра; теперь луч разрежет плоть и кости, но не камень.

Не спуская глаз с ворот, он ждал, вслушиваясь в шорох дождя и тихие звуки, что доносились из города. Мышцы Калева были расслаблены, он не шевелился и издали мог сойти в своей серой броне за каменного идола, упавшего со стены или приворотной башни. Ожидание не тяготило его; много, много раз он так же ждал в засаде, ждал, когда появится очередная цель, вылезет из непроходимой чащи, ринется с небес, выплывет из вод морских либо возникнет из земных недр, из норы или пещеры. Умение ждать было не менее важным в его ремесле, чем зоркий глаз и острый слух. Нетерпеливые среди Охотников встречались редко и погибали быстро.

Белесый призрак мелькнул за воротами и сразу исчез. Глухо стукнул камень о камень, что-то зашуршало, и монстр на миг появился среди развалин башни. Калев был недвижим. Весли Кинг, старательно изображая обессилевшего, приподнялся на локте, застонал и с воплем рухнул на мокрую землю. Актер он никакой, но стонет очень натурально, подумалось Калебу.

Дождь прекратился, но пелена туч все еще затягивала небо. В тусклом свете умирающего дня город выглядел особенно мрачным; чудилось, что древние демоны, некогда обитавшие в нем, ожили на какое-то время и смотрят на Охотников тысячей жадных глаз. Смотрят и ждут, когда среди руин разыграется новая драма и на камни падет кровь героя или сраженного им чудовища.

Калев не уловил тот миг, когда стремительная тень скользнула к Весли Кингу. Только что пространство перед воротами было пустым, на стене и башнях – ни движения, но не прошло и доли секунды, как яростный вопль Весли разорвал тишину. Тощая голая тварь оседлала его, прижав одной рукой Охотника к земле, а другой дергая оплечье кирасы, защищавшее шею. Должно быть, монстру не терпелось добраться до сонной артерии, и он никак не мог сообразить, отчего добыча такая жесткая, почему, вместо треска костей и предсмертного вскрика, она все еще вопит и шевелится.

– Вот ты и попался, приятель, – едва слышно шепнул Калев, поднимая лучемет. Тонкая фиолетовая игла прошла висок одержимого, он вздрогнул и повалился прямо на Весли. Тот с проклятием отшвырнул легкое тело к стене – с такой силой, что череп треснул, ударившись о камень. Затем Весли поднялся, сжимая в левой руке кинжал.

– Ну, теперь-то я разделаю ублюдка!

– Назад, – велел Кaleb. – Ты без шлема и щитка, так что к нему не приближайся. Назад, я сказал! Шагай к платформе, живо!

Весли Кинг с ворчанием отступил. Его нагрудный панцирь казался изжеванным, весь во вмятинах, словно по кирасе с неимоверной силой прошлись тяжелым молотком. Броня из модифицированного пластика была легкой и гибкой, но прочностью не уступала стали; помять или пробить ее могли разве что клыки тираннозавра. Покосившись на эти страшные следы, Кaleb хмыкнул, освободил из магнитных захватов клинок и зашагал к труп у одержимого.

По наросту за его плечами прокатывались волны, горб трепетал и подрагивал – гидра спешила выбраться наружу и подыскать нового носителя. Охотник точным ударом рассек кожу на спине мертвеца, словно вскрыл застаревшую гнойную язву. Темный бесформенный сгусток, сросшийся с плотью человека, зашевелился энергичнее, приподнялся и внезапно выстрелил вверх и в стороны десятки нитей с острыми ороговевшими концами. Они ударили по броне и лицевому щитку Охотника, бессильно опали, втянулись стремительно в тело гидры и ударили снова.

– Во имя Жизни и Света, – произнес Кaleb древнюю формулу, девиз Монастырей. Острие его клинка крест-накрест перечеркнуло темный сгусток, затем он наклонился, поддел тварь рукой с растопыренными пальцами и вырвал из мертвой плоти Гауба.

Издыхая, гидра корчилась у его ног. Кaleb оттащил труп к платформе, потом вернулся и сжег останки гидры из огнемета. Запах был неприятный, мерзкая вонь, по правде говоря, но он не морщился, ибо запах был привычен и знаком – охота часто заканчивалась огненной стерилизацией. Для Потомственного Охотника то был запах победы.

Защелкнув на бедре клинок, Кaleb направился к платформе, висевшей у самой воды. Весли Кинг уже взвалил на нее тело погибшего и сидел с края, поигрывая ножом.

– Отрежем ему голову?

– Зачем?

– На всякий случай. Его мозг пронизан нитями.

Кaleb покачал головой.

– Гидра мертва, и нити просто сгниют. – Он всмотрелся в лицо Гауба, умиротворенное и спокойное, потом добавил: – Не будем его уродовать, Весли. Он снова человек, хоть и мертвый.

Платформа перевезла их через реку, к холму и толпе, все еще грудившейся на окраине поселка. Инес вскрикнула, увидев тело мужа, и закрыла лицо руками, брат Павел принялся читать молитву. Остальные тихо шептались, вытирали мокрые лица, вздыхали с облегчением, делали знаки, отвращающие несчастье. Ветер угнал тучи за реку, и на небе, что становилось темнее с каждой минутой, начали загораться звезды. Их мерцающие огни складывались огромной аркой, что была частью внешней спирали этой галактики. Далекой, очень далекой от родного мира Калеба.

Он повернулся к Инес ар ‘ Гауб и сказал:

– Не плачь, сына, не плачь. Ты теперь вдова, и в этом есть свои преимущества. Я могу переночевать сегодня в твоём доме?

– Оставь эту женщину! Её горе требует одиночества, слез и молитв! – вмешался брат Павел, испепеляя Калеба суровым взглядом. – В Монастыре вам будет гораздо удобнее. Я вижу, твой напарник ранен... У нас есть опытные врачи, робот-диагност и ванна с раствором для реанимации.

– Моему товарищу подойдет, а мне врачи и ванны не нужны, – сказал Кaleb. – Прощай, монах.

Он ничего не имел против денег Монастырей, но сами их служители внушали ему презрительную неприязнь. Все эти братья, исповедники, адепты, иерархи... бесполье, как трутни, и столь же бесполезные... Им не объяснишь, что женщина нуждается не в молитвах, а в утешении, которое способен дать лишь мужчина. Не обязательно в постели – можно присесть к столу, поговорить, заночевать в ее жилище... Хотя постель тоже не исключается.

– Погоди, сын Охотник! – Брат Павел вцепился в оплечье его брони. – Поднимись в башню, умойся и поешь! Грех отказываться от нашего гостеприимства и нашего хлеба!

– Такие грехи меня не волнуют. – Резким движением Калёб сбросил ладонь монаха. – Ты хотел увидеть труп одержимого – вот он!

А остальное... Я умоюсь водой из колодца, выпью кружку вина и съем хлеб в доме этой женщины.

Взяв Инес за руку, он зашагал к поселку.

Глава 2

Авалон

– Это опасная экспедиция, опасная и очень далекая, – произнес Сеймур Тья, Хранитель Авалонских Архивов. – Очевидно, их мир находится за Дикими Галактиками и Краем Распада, что доказывает... – Он смолк.

– Доказывает, что Распад не был явлением единичным, – продолжил доктор Аригато Оэ и скупое усмехнулся. – Великий Хаос! Какое разочарование для Святых Отцов! Мироздание рушится, их божество теряет свою уникальность!

– Не стоит над этим иронизировать, друг мой. – Лицо Хранителя было бесстрастным. – У Монастырей одни задачи, у Архивов другие, но мы, они и еще десяток конгрегаций – вот что объединяет мир. Без нас человечество осталось бы раздробленным, как мелкие группы дикарей в безбрежном океане. Каждый народец на своем острове, со своими богами, своими предрассудками и непонятными для чужаков наречиями, со своими представлениями о добре и зле, о Вселенной и истории нашего племени... Грустный пейзаж! Не так ли, доктор?

– Так, – согласился Аригато Оэ. Он был биохимиком и физиологом, три столетия изучавшим человеческие расы на многих обитаемых планетах, и хорошо представлял нарисованную Сеймуром картину. – Однако, – заметил он, – развеяв старые предрассудки, Монастыри сочиняют и активно внедряют новые. Эта их теза о священных бозонах Кларка и акте творения... Она вызвала бы лишь улыбку, если бы в такую чушь не верили десятки, даже сотни миллиардов!

– Тем не менее Святые Отцы тоже заинтересованы в выяснении истины, – сказал Хранитель Сеймур. – И потому с вами отправится их представитель.

Возникла пауза. Ночное солнце Авалона, маленькое и тусклое, висело над миром, озаря лоджию розоватым сиянием. Здесь находились только робот-стол с напитками и бокалами и два широких кресла – они тихо мурлыкали и шелестели, массируя собеседникам ягодицы и спины. Лоджия открывалась на запад, в сторону океана, и над его темно-фиолетовой поверхностью застыли облака, пронизанные светом лун и солнца. Зрелище было чарующим – впрочем, как и другие природные явления на Авалоне.

– Их представитель... – повторил Аригато Оэ, слегка поморщившись. – Для чего? И с каким статусом?

– В качестве наблюдателя, только наблюдателя. Вашей власти дуайена экспедиции это не нарушит. К тому же его искусство может пригодиться. Вспомните, что в первой экспедиции трое погибли от рук туземцев – погибли таким образом, что их не удалось реанимировать.

Хранитель щелкнул пальцами, и на фоне идиллических морских далей начали сменяться изображения: обезглавленные, залитые кровью тела, раздробленные черепа, грудная клетка с вырванным сердцем и торчащими в стороны ребрами. Доктор Аригато Оэ взирал на этот жуткий паноптикум с ледяным спокойствием. Его жизнь была долгой, он трудился на сотнях миров, разбросанных по Старым и Новым Галактикам, и не все из них могли считаться благополучными, тихими и цивилизованными – особенно в понятиях урожденного авалонца.

– Я надеюсь, что психика туземцев – как их самоназвание?.. борги?.. – что психика боргов более сходна с нашей, чем их генетика и физиология. В конце концов, они ведь тоже люди... – промолвил Хранитель. – Возможно, опытный адепт сумеет на них воздействовать, успокоить разъяренную толпу, внушить их правителям уважение к пришельцам, даже трепет... Поверьте, экзорцист для вас – неплохое подспорье!

Доктор Аригато Оэ встал и приблизился к балюстраде, отделявшей лоджию от пространства, полного воздуха, пряных ароматов и сияния, струившегося с неба. Город под ним раскинулся вдоль морского берега. Севильяна, одна из самых крупных метрополий на планете, основанная в древности земными колонистами... Вид с верхнего яруса Авалонских Архивов был великолепен: призрачным светом мерцали хрустальные башни в жилых кварталах, над зданиями центральной парковой зоны поднимались радужные сполохи – отблеск огней, озарявших аллеи, фонтаны, Дворцы Развлечений и причалы для яхт и морских судов; набережная и движущиеся улицы текли из центра к окраинам, словно разноцветные реки. Город напоминал птицу, что прилегла у овальной бухты, прижавшись телом к земле, распластав крылья и обнимая ими берег. Ее голова, плоский гранитный утес, засаженный цветущими кустами и деревьями, выдавалась в море, маховые перья – жилые башни на юге и севере – были встопорщены, и чудилось, что птица вот-вот оттолкнется от земной тверди, взмахнет крыльями и унесется к облакам – а может, прямо к лунам и ночному солнцу.

Минуту-другую Аригато Оэ смотрел на полный жизни город, затем привычным жестом коснулся своей аккуратной бородки и бросил:

– Трепет! Надо же, трепет!

– Чем вы недовольны, Аригато? – Сдвинув брови, Сеймур Тья, словно повторяя жест доктора, погладил висевший на груди медальон, символ власти над Авалонскими Архивами. То было изображение раскрытой книги, отчеканенное из серебра, книги докомпьютерных времен, чьи листы нужно было переворачивать, а текст, навсегда впечатанный в бумагу, не поддавался изменению. Аригато Оэ видел такие книги лишь в тайных залах Архивов, в юности, когда проходил обучение.

– Член экспедиции, которого я не могу контролировать, мне не нужен, – резко сказал он. – Сегодня он внушает уважение и трепет туземцам, а завтра примется за экипаж... Скажите, сын Хранитель, как я смогу его остановить? Выстрелив из-за угла в спину?... Это вряд ли улучшит наши отношения с Монастырями.

– Резонно, – произнес Сеймур Тья и задумался. – Резонно, доктор, – повторил он через некоторое время. – Но проблема в том, что Конклав настаивает на своем участии и даже готов компенсировать часть расходов.

– У нас мало денег? – спросил Аригато Оэ, с иронией приподняв брови.

– Нет, конечно же, нет. Экспедиция за Край Распада отнимет много средств... полет в такую даль... дальше самых далеких звезд... Но в масштабах нашей организации это не столь уж значительные траты. Для нас не столь значительные и для Монастырей тоже. Понимаете, друг мой, они могут отправить собственную экспедицию, в чем мы абсолютно не заинтересованы. Этим боргам нужна реальная помощь, а не молитвы.

Брови доктора взлетели еще выше.

– Собственную экспедицию?... Но куда?... Планету нашел корабль Архивов, и мне казалось, что эти сведения засекречены. Или я не прав?

– Правы, – со вздохом подтвердил Хранитель. – Но нет ничего тайного, что не стало бы явным. Нашей Высокой Коллегии точно известно, что они получили координаты.

– Похитили?

– Неподходящий термин, Аригато. Вы же понимаете, что мы собираем и храним знания не для себя, а для блага всех людей, всех миров Галактик. Так что получили, а не похитили... Другой вопрос, как Конклав вообще узнал об этой планете и наших предварительных исследованиях.

Отношения между Архивами и Монастырями не были ни враждебными, ни дружественными, просто никакими. Другие могущественные структуры – те, что делали Галактики чем-то цельным, невзирая на разницу исторических традиций отдельных миров, – ценили связь с Архивами, шли на контакт с охотой и без лишних споров оплачивали их

услуги. Галактическая Торговая Корпорация, Транспортный Союз, Звездный Патруль, а временами даже Третейский Суд нуждались в информации о населенных и безлюдных планетах, об открытиях и технических достижениях в том или ином регионе, о ценах на товары, патенты, предметы искусства, о спорах и конфликтах, связанных с колонизацией, перedelом сфер влияния и другими причинами, о всевозможных предметах, событиях и прецедентах, обо всем, что случилось в Великих Галактиках за миллионы лет, с того момента, как споры жизни, витавшие в пустоте, упали в океаны бесчисленных миров в разных концах Большой Вселенной. Другие межгалактические службы, Орден Защиты Среды Обитания, Лига астронавтов, Академия «Пески Времен», Лига Свободных Путников, вели исследования и делились данными с Архивами, так как их метод консервации артефактов и хранения сведений отличался непревзойденным совершенством. Информационная сеть Архивов простегла до самых дальних границ Распада, их опорные пункты действовали в каждой четвертой звездной системе, достигшей технологического уровня, связь между ними поддерживал собственный флот, музеи переполняли сокровища искусства с тысяч обитаемых миров. Поистине Архивы являлись стержнем цивилизации, ее прочной опорой, ибо галактическое сообщество гоминидов объединяли не только внешний облик, генотип и способ размножения, но и осознание принадлежности к культуре, пусть различной в своих конкретных проявлениях, но, безусловно, человеческой. Этот факт интуитивно понимался и принимался всеми, кроме Монастырей. Знания, прогресс, культура и для них не были пустым звуком, так как в этом проявлялось главное – божественное начало. Но бог замкнут в кокон своего совершенства и абсолютной власти, и нет у него ни врагов, ни конкурентов, ни союзников. Он в этом не нуждается.

Как правило, не нуждается, сказал себе Аригато Оэ. Но вот за гранью Распада нашлось другое человечество, и это возбудило любопытство божества. Человечество, которое нуждается в спасении... Соблазнительная приманка для Монастырей!

– Итак, – произнес он, – мы не можем отказаться от навязанной нам помощи. В экспедиции будет адепт, согласен я с этим или нет. Будет некто, представляющий вечную угрозу.

– Боюсь, дела обстоят именно так, – откликнулся Хранитель. Его лицо было невозмутимым, только на высоком гладком лбу прорезалась морщина. Как и доктор Аригато, Сеймур Тья являлся уроженцем Авалона, а значит, принадлежал к одной из избранных человеческих рас, к тем, кто не знал болезней и старости. Аригато Оэ мог лишь догадываться о чередe прожитых Хранителем столетий. Он подумал о Дайане Кхан, своей жене, и острое сожаление кольнуло его. Но эти воспоминания были сейчас неуместны.

– Если нет альтернатив, я должен смириться. – Он вернулся к креслу, сел и отхлебнул из бокала фруктовый напиток. – Однако я буду спокойнее, если в команде найдется человек, способный противостоять адепту. Лучше всего наемник, искусный в обращении с оружием. Думаю, наша Коллегия с этим согласится – ведь мне и моим людям нужна охрана. Не хотелось бы повторить судьбу первой экспедиции.

Сеймур Тья кивнул.

– Как член Коллегии я вас поддерживаю, сын Аригато. Вы сможете выбрать кого-нибудь из наших элитных стражей или, если хотите, из Дивизиона Третейского Суда. Там есть превосходные офицеры.

– Они не подойдут, как и люди из Ордена и Лиги астронавтов. Мне нужен человек, свободный от обязательств, с которым можно заключить персональный контракт. Надежный, умелый, преданный долгу боец с определенным психическим профилем... Вы понимаете, о чем я говорю.

Хранитель снова кивнул.

– Не подверженный ментальному влиянию... Такой, чья защита – не приборы и имплантаты, а врожденный дар, если это возможно... Ну, и кого вы предлагаете?

Аригато Оэ в задумчивости щелкнул ногтем по бокалу, и тот отозвался протяжным серебряным звоном.

– Старатель с астероидов?.. колонист из Пограничных Галактик?.. Хмм... Нет, не годится! У таких людей огромный опыт выживания и превосходная реакция, но все же они не профессиональные бойцы. Пожалуй, Охотник... их Братство снискало добрую славу во многих мирах.

По губам Хранителя скользнула усмешка.

– Хотите героя? Героя-полубога, борца с чудовищами, как в античные времена?

– Это образ из приключенческих реалов, сын Хранитель. Супермен-Охотник спасает принцессу, устилая землю трупами драконов и плохих парней... В жизни все проще. У них хорошая репутация, они преданы нанимателю и всегда выполняют контракт, но свои услуги ценят высоко.

– Последнее не проблема. – Сеймур Тя пожал плечами. Затем, повинаясь его жесту, в воздухе снова раскрылся экран Информария, и в его бирюзовой глубине начали всплывать имена, лица, пейзажи планет и снимки каких-то жутких чудищ. – Вот их Реестр с летописью охотничьих подвигов, – промолвил Хранитель. – Нам, скорее всего, нужен кто-нибудь из первой сотни, а лучше – из первого десятка. Посмотрим, что тут за люди... Жакоб Лю Ини с Фиала, Потомственный Охотник... Намчендра с Полярной, Потомственный Охотник... остальные тоже Потомственные... Пайк с Эльдорадо... Архипов, Магеллановы Облака, мир Макато, и Айчуни Высокая Ветвь с той же планеты... Калев... этот с Земли...

– С Земли?.. – Аригато приподнялся, всматриваясь в экран. – Сорок два года, реверсии не проходил, список трофеев внушительный... Этот подойдет, сын Хранитель.

– Почему?

– Никогда не встречал человека с Земли, а ведь их переселенцы такие же наши предки, как авалл ‘ тагрим и люди Офира... Любопытно на него взглянуть!

– А если серьезно, друг мой?

– Он молод, – пояснил Аригато Оэ. – Остальные в этом списке не раз подвергались реверсии, что, как известно, снижает на какое-то время устойчивость психики, пока не придет в норму гормональный баланс. Мы с вами помним об этом эффекте... быстрый скачок в юность не обходится без издержек... – Аригато вздохнул, снова вспомнив о Дайане Кхан, потом добавил: – И еще одно: он молод, но уже в первой десятке. Это явное признание опыта и удачи.

– Возьмите его, если угодно, – сказал Сеймур Тя. – Кто еще вам нужен? Я имею в виду специалистов?

– Два моих ассистента, антрополог и ксенобиолог, оба из Научного Дивизиона Архивов.

– Этого достаточно?

– Да. Меньше людей, меньше риска. Туземцы, как я понимаю, весьма кровожадны... Это главная проблема, а с работой мы справимся. – Аригато Оэ снова прикоснулся к краешку бокала и склонил голову, наслаждаясь серебряным звоном. Потом спросил: – Какие средства я получу, сын Хранитель? В первую очередь меня интересуют корабли.

– В вашем распоряжении будет экспедиционное судно с опытным капитаном. Сейчас его снаряжают на Второй луне. Дальность действия практически не ограничена. На борту – роботы-модификанты.

– Что за судно? Яхта? Шлюп?

– Корвет. Корабль вооружен и управляется интеллектуальным модулем. Вполне разумное устройство.

– Что еще?

– Межгалактический транспорт-автомат для перевозки реагентов. Можете взять столько груза, сколько захотите.

– Мне понадобится синтезатор большой мощности, желательно планетарного класса, – сказал доктор Аригато Оэ. – Причина катастрофы не известна, и надо быть готовым ко всему. Я возьму набор реагентов широкого спектра, защищающих от лучевого поражения и вредных примесей в атмосфере – мы сможем даже полностью ее санировать. Но если дело в болезнетворных микроорганизмах, нам придется искать лечебный препарат, а затем наладить его производство в огромных количествах. Борги все-таки не совсем люди... другая генетика, иной обмен веществ... Я не уверен, что реагенты, которые мы используем в таких случаях, для них подойдут, а не окажутся смертельным ядом. Видите ли, сыон, уже на стадии бластулы все организмы очень чувствительны к...

Сеймур Тя помахал рукой.

– Избавьте меня от подробностей, которых я не понимаю. Вам нужен синтезатор?.. Вы его получите. Если захотите нетленные мощи наших земных предков, я разыщу их в хранилище и тоже предоставлю вам. Любые ваши требования будут удовлетворены.

– Но священник все же отправится со мной? – улыбнувшись, сказал Аригато Оэ.

– Увы... – Хранитель вздохнул.

– Тогда найдите мне этого Калеба, Охотника с Земли. – Доктор Аригато поднялся. – Я и мои ассистенты будем готовы через пару декад. До встречи, сыон Хранитель. Пусть дневное солнце согревает вас, а ночное дарит покой и свет.

* * *

Через недолгое время он плыл в небесной полутьме и тишине над фиолетовым океаном. Световые дорожки от лун и ночного солнца мерцали на водной поверхности, солнечная была более яркой и широкой, и Аригато Оэ различал пенные барашки волн, мерно колышавшиеся морские цветы и стайки кормившихся рядом тритонов. Авиетка летела низко, ее серповидные крылья трепетали в воздушных потоках, что поднимались от океана, вверху текли бесконечной чередой облака. За морем лежал другой континент, столь же прекрасный и благодатный, как оставшийся на востоке, колыбель древней цивилизации авалл ‘ тагрим. Некогда миллионы колонистов с Земли и Офира поглотили этот народ, растворили его облик в бурлящем котле межрасового скрещивания, но среди авалонцев все еще рождались дети с огромными глазами цвета янтаря. Такой была Дайана... – подумал доктор. Д ‘ Анат ‘ кхани, Дар Южного Ветра на полузабытом языке авалл ‘ тагрим. Сияющие глаза с янтарной радужкой, волосы, в которых темные пряди мешались со светлыми, и губы, подобные пунцовым лепесткам тюльпана...

Он вздохнул. Горечь потери была гнетущей. Конечно, потеря не являлась окончательной, но возместить ее он пока что не смог, хотя приложил к этому массу усилий. Не исключалось, что экспедиция добавит немного тепла в его семейной жизни... Новые впечатления, новый мир за гранью Распада, столь далекий, что ни в один телескоп не разглядеть даже галактику этих боргов... Чудесные существа, живущие по триста лет без всякой реверсии, мир которых надо спасти от неведомой угрозы... Правда, с обнаружившим Борг экипажем они обошлись не очень хорошо – возможно, была допущена какая-то ошибка, так что из четырех контактеров вернулся один, да и тот с поврежденной психикой. В чем состояла причина трагедии?.. Записи, сделанные кораблем, этого не проясняли, и Аригато Оэ испытывал сожаление, что не может пообщаться с ксенологом первой экспедиции. Ксенолог был мертв, мертв необратимо, его мозг не подлежал восстановлению.

Мир, что близится к катастрофе, долгая жизнь населяющих его созданий, странная гибель контактеров, что приземлились на Борге... Все это очень загадочно, загадочно и романтично, решил Аригато Оэ. Она должна быть благодарна, что я беру ее с собой.

Повинуясь мгновенному импульсу, он поднял авиетку в облака. Теперь за прозрачным колпаком кабины сиял пронизанный то розовым, то золотистым светом туман, его струи медленно кружились и колыхались, будто подхваченные ветром женские волосы, и доктору чудилось, что он ощущает их упоительный запах, смесь ароматов юной девичьей плоти, моря и цветов. Это было приятно, но он не позволил себе расслабиться. Странствуя по Галактикам, он повидал слишком много миров, не столь счастливых, как Авалон, и память о них являлась хорошим противоядием от сладкой неги и пустых мечтаний. Он приказал себе забыть о Дайане Кхан, о ее волосах, губах и нежном гибком теле, когда-то таком покорном, трепещущем в его объятиях. Его мысли обратились к другому, к навязанному экспедиции адепту и внезапной активности Монастырей.

Хотя отчего же внезапной?.. Если поразмыслить, реакция вполне ожидаемая, когда главный символ веры под угрозой. В этом, думал Аригато Оэ, разница между религией и позитивным знанием: для религии крушение постулатов – вселенская катастрофа, а наука воспринимает революционные перемены с энтузиазмом. Новая картина мира, новые открытия, новые цели, новые возможности... Вечное обновление – вот залог прогресса, двигатель цивилизации! Конечно, революция шокирует, но, преодолев катарсис, понимаешь: сделан новый шаг к истине. Религия не приспособлена к таким метаморфозам. Истина в любом вероучении абсолютна и незыблема, истину не ищут, ибо она ясна: истина есть Бог.

Когда-то, в незапамятные времена, столкновение двух бозонов Кларка породило Большую Вселенную. С одной стороны, научный факт, основа всех астрофизических теорий, с другой – повод обожествить бозоны, акт творения, формирование галактик, звезд, планет и жизнь, что возникла во многих мирах. Вслед за столкновением первичное вещество распалось, начался разлет аморфных масс, будущих звездных конгломератов, и через миллиарды лет Вселенная структурировалась и стала такой, какой ее осознал человеческий разум: сонм галактик в границах Распада. Мыслилось, что эта структура едина и замкнута сама на себя в каком-то измерении континуума; не исключалось, что существует ее зеркальное отражение, антимир, связанный со Вселенной точками сингулярности, где происходит гравитационный коллапс. Что до ее рубежей, то они были скорее умозрительным понятием, чем реальной границей в пространстве – казалось наивным измышлять поверхность, отделяющую Великое Ничто от мириадом галактик, пронизанных излучением и светом, полных туманностей и звезд. Тем не менее форма Вселенной и ее границы были предметом исследований и бесконечных дискуссий, хотя единство Мироздания признавалось всеми. Важным подтверждением данного факта являлся единый генетический код всех человеческих рас, возникших независимо в разных концах Большой Вселенной, иногда удаленных на миллионы светолет. Несомненно, в миг столкновения бозонов появились и споры жизни, ее семена, выпавшие затем на планеты и, в подходящих условиях, запустившие эволюцию. Все это можно было считать слепой игрой природных сил, явлением случайным и стихийным, либо деянием Создателя, Творца-Абсолюта, столкнувшего бозоны или, возможно, нерасторжимо связанного с ними. Эти два взгляда на мир, две философии, породившие науку и религию Галактик, противостояли друг другу, но соглашались в том, что вселенский акт творения един, как и Бог-Создатель.

Един!.. Аригато Оэ усмехнулся, глядя, как серебряный луч Первой луны пронизывает облака, подсвеченные ночным солнцем. Един?.. Но вот в дальних далях нашлось другое человечество, произошедшее иначе, чем в Галактиках, с другой генетикой и сроком жизни, даже с другим обличьем... И что это значит? Разумнее всего считать, что борги живут за границей Распада, в другом конгломерате звезд, где был свой акт творения, породивший жиз-

ненные семена несколько иной природы. Может быть, это другая Вселенная или та же самая, и лишь ее рубежи нужно расширить, нужно признать, что столкновение бозонов Кларка не уникальный акт, что это происходит не единожды и порождает только часть Вселенной. Бесспорно, новая концепция для астрофизиков, но они переживут, перемелют новое знание в математических жерновах и скажут: вот вам Истина! Монастырям придется тяжелее, ибо символ веры не допускает уточнений и реставраций. Два Божественных Бозона сотворили мир... А если их было не два, а четыре?... Или бессчетное множество?... И в каждом – Бог?... А может, лишь частица божества?..

«Какая почва для ересей!» – подумал доктор Аригато Оэ, желчно скривив губы. Он любил Святых Отцов не больше, чем мерзких мокриц и муравьев, которыми питались дикари в джунглях Пьяной Топи. Муравьи прогрызли кожух полевого синтезатора, пришлось его бросить, жевать мокриц и пить протухшую воду из болота. К счастью, имплантат не подвел, справился с инопланетной органикой.

Неяркие световые полосы скользнули по колпаку кабины.

– Приближаемся к дому, сыон, – нежным сопрано промолвила авиетка. – Известить сыону Дайану?

– Нет. Думаю, она спит. Не стоит ее тревожить.

Маленький аппарат вынырнул из облаков. Океан остался позади, на востоке, и теперь под авиеткой простиралась живописная местность с рощами, озерами, редкими поселками и усадьбами на склонах холмов. Внизу мелькали узоры мощенных цветными плитками дорожек, горбатые мостики над неширокими ручьями, кроны деревьев и цветники, окружавшие дома. Безлюдье, тишина... Ни звука, ни шороха, ни движения... Здесь обитали те, кто искал покоя, и развлечения в период ночного солнца не поощрялись. Такой обширный мир, как Авалон, с тысячами городов, с разнообразием климата и рельефа, с океанами и островами, горами, равнинами и множеством уединенных мест, мог одарить любого подходящим жилищем. Кодекс законов планеты запрещал иммиграцию, численность населения не превышала семисот миллионов, так что земель на островах и континентах хватало всем. К тому же планетарная поверхность была свободна от промышленных зон, а горные разработки, кузницы и гончарные мастерские древних времен считались музейными экспонатами.

Авиетка скользнула над озером с хрустальной водой и опустилась у павильона, на краю обширной эспланады. Покинув летательный аппарат, Аригато Оэ направился к дому. Двухъярусное здание в старинном стиле авалл ‘ тагрим примыкало к невысокой возвышенности и продолжалось под землей, где были ночные покои и лаборатории; дневную часть, полукругом выступавшую из холма, обрамляла галерея, поверх которой тянулся балкон на резных столбиках.

Доктор взошел по ступенькам к арке входа и переступил порог. В большом двухсветном холле царила тишина. Сквозь стрельчатые окна, выходившие на галерею, лился неяркий свет, окрашивая стены розовым золотом. У потолка бесшумно кружились цветные спирали, то угасая, то вспыхивая на миг, и тогда казалось, что дневное солнце уже вошло.

– Ночных радостей, хозяин, – промолвил дом. – Желаете что-нибудь выпить? Или подать трапезу? Приготовить воду и покой для омовений? Разбудить сыону?

– Нет, пожалуй, нет, – сказал Аригато Оэ, поглаживая бородку. – Пусть сыона спит, и я тоже лягу. Не хочу есть и пить. Устал.

Он поднялся на второй ярус к своей спальне, сбросил обувь и тунику и велел дому включить прибор цветных снов. Вытянувшись на постели, он чувствовал, как становится меньше тяготение, как теплый воздух овеивает тело, как щекочат ноздри знакомые запахи. Смесь ароматов юной женской плоти, моря и цветов... тихий, едва слышный звук дыхания... пряди волос, рассыпавшиеся по подушке... Если закрыть глаза, покажется, что Дай-

ана рядом... та, прежняя Дайана... Лежит на спине, чуть запрокинув голову, губы полуоткрыты, нежные груди с розовыми ягодами сосков то вздымаются, то опадают...

Вытянув руку, он коснулся ее плеча. Прикосновение было ласковым, мимолетным, но ресницы женщины взметнулись словно крылья потревоженной птицы. Улыбка скользнула по ее лицу, губы шевельнулись. Он не расслышал сказанного, но верил, что это слова любви.

Доктор Аригато Оэ спал и улыбался во сне.

* * *

На другом материке ночное солнце клонилось к закату, а восточный небосклон уже сиял яркими красками зари. Сеймур Тья, Хранитель Авалонских Архивов, в эту ночь не спал. Впрочем, со сном он расстался два века назад, предпочитая отдых в камере релаксации. Это было гораздо эффективнее и занимало меньшее время – час-полтора в сутки.

Он спустился на шестой подземный ярус здания Архивов, в свой рабочий кабинет. Сеймур Тья любил это место: массивная мебель темного дерева, темно-вишневый с серым узором ковер на полу, обшитые панелями стены, старинные бронзовые светильники с лампами в форме изогнутых языков пламени создавали ощущение уюта и покоя. Рядом, в просторных залах, окружающих кабинет и личную трапезную Хранителя, находились исторические раритеты особо внушительных размеров: фасад храма авалл ' тагрим с двойным рядом колонн и позолоченными воротами, окаменевшее священное дерево двенадцатиметровой высоты и гигантский рогатый мамонт (то и другое – с Сервантеса), странный механизм с Полярной (возможно, очередная попытка создать машину времени), транспортный модуль первого земного лайнера, опустившегося на Авалоне, и другие редкости. Были среди них каменные валуны с рисунками троглодитов, изображавшими космические корабли и фигуры в скафандрах, первобытная обсерватория (монолиты, расставленные кольцом шириною в сто шагов), ледяные жилища туземцев с Зимы (их хранили в большом холодильнике) и галерея удивительных зеркал, которые, по мысли их создателей, показывали будущее. Иногда Сеймур Тья заглядывал в них, но видел одно и то же: представительного мужчину с лишенным возраста лицом.

Устроившись в кресле, обтянутом кожей удава с Пьяной Топи, он вызвал ночного секретаря и велел собрать информацию о Потомственном Охотнике Калебе с Земли, шестом в Реестре Братства. Затем некоторое время занимался делами: просмотрел послания из Высокой Коллегии, распорядился, чтобы синтезатор планетарного класса был закуплен и доставлен на Вторую луну в течение трех ближайших суток, разрешил выдачу сведений по запросам Звездного Патруля и Лиги астронавтов, назначил день визита для делегации с Офира, желавшей поклониться праху предков, переселившихся некогда на Авалон. Над депешей агента с Седьмой Айра он призадумался: агент сообщал о партии эротических статуэток чугунного литья, весьма любопытных изделиях, но с сомнительной датировкой. Стоили они изрядно, и Хранитель уже собрался отклонить предложение, когда над пультом связи возникла крохотная фигурка Джангера Тали, ночного секретаря.

– Этот Охотник с Земли, сын Хранитель... Есть кое-какие данные. Желаете ознакомиться?

Сеймур Тья кивнул и увеличил изображение. Джангер превратился из лилипута в карлика, парящего на фоне темных панелей стены.

– Потомственный Свободный Охотник Кaleb, сын Рагнара, внук Херлуфа, правнук Ольгерда, сына Хакона и так далее... Почти сорок поколений, и все – Охотники, – сказал Джангер. – Хорошая наследственность.

– У него скандинавские корни?

– Скандинавские? – На лице секретаря отразилось недоумение. – Что это значит, сын Хранитель?

– На Земле есть полуостров в северных широтах, населенный в древности особым народом, – пояснил Сеймур Тья. – Скандинавы, мужчины со светлыми волосами, сильные и очень воинственные... Традиционные занятия – морской промысел и грабежи южных соседей. Сейчас об этом племени давно забыли, но среди названных вами имен встречаются скандинавские.

– Желаете, чтобы я подробнее исследовал их этимологию? – спросил Джангер Тали.

– Нет, друг мой. Меня больше интересует, где находится этот Калев и что делает сейчас. Возможно, у него контракт?

– Был контракт на Сервантесе, где он отстреливал крыс в какой-то пустыне... – Джангер покосился на невидимый Хранителю экран. Похоже, он снова пребывал в недоумении. – Простите, сын Хранитель... Разве Охотники уничтожают крыс? Маленькие милые зверьки... Кому они мешают?

На Авалоне водились крысы, но не завезенные с Земли и Офира, а несколько эндемических видов. Пушистые твари размером с ладонь, обитавшие в лесных зонах, питались медом, орехами, дикорастущими злаками и никому не причиняли беспокойства. Когда-то авалл ' тагрим держали их в домах для развлечения ребятишек.

Хранитель вздохнул. Джангер Тали прожил на свете всего лишь двадцать восемь лет, он отлично разбирался в методах информационного поиска и технике межзвездной связи, но в остальном был не очень подготовлен для ответственной работы секретаря. Однако его отличали исполнительность, преданность делу и желание учиться. Весьма ценные качества, по мнению Сеймура Тья.

– Это другие крысы, Джангер, хищные и гораздо крупнее, чем обитают на Авалоне, – произнес он. – Сервантес – девственный мир... Вы видели мамонта в зале рядом с моим кабинетом?

– Конечно, сын. Огромное животное! Четыре бивня, рога и хобот толще моей шеи... А ноги! Какие ноги!

– Мамонт тоже с Сервантеса. Крысы охотятся на таких гигантов, а заодно на людей, домашний скот, на все, что движется. – Хранитель задумался на миг. – Пожалуй, стоит заказать чучела десятка крыс и расставить вокруг мамонта... В назидание молодым невеждам.

Покраснев, секретарь промолвил:

– Клянусь Великими Галактиками, сын! В ближайшее время я изучу фауну Сервантеса!

– Заодно и флору, а также историю колонизации планеты. Ее заселили люди с Земли, но много позже, чем Авалон. – Сеймур Тья откинулся в кресле и поднял взгляд к массивным потолочным балкам. – Но вернемся к нашему Охотнику. Где он сейчас? На Сервантесе?

– Нет, сын, на Опеншо.

– Опеншо? – Теперь Хранителю настал черед удивляться – в его бездонной памяти не было сведений об этом мире. – Опеншо... Что за Опеншо?.. – проворчал он и потянулся к пульта. Вверху, закрыв балки потолка, вспыхнуло бирюзовое окно Информария. Минуту-другую Сеймур Тья всматривался в строки на экране, затем довольно кивнул и молвил: – Мелкая планетка в Галактике Пяти Спиралей... далеко от нас... о такой и не вспомнишь... Что ему там надо?

– Информация отсутствует, – отозвался ночной секретарь. – Может быть, заглянул туда случайно. Тихий безопасный мирок... Что там делать Охотнику?

Охотники – непоседливый народ, подумал Хранитель, а вслух произнес:

– Свяжитесь с ним, Джангер. Скажите, что ему предлагается участие в дальней экспедиции по контракту с Авалонскими Архивами. Плата будет щедрой.

– Насколько щедрой, сын?

– Ну, на десять-пятнадцать лет он может забыть о крысах с Сервантеса и о Сервантесе тоже. Пусть вылетает на Авалон. Пусть летит первым классом на лайнере Транспортного Союза. Дорогу мы тоже оплатим. И вот что...

– Да, сын?

– Если он будет колебаться, пообещайте дополнительные льготы. Что-нибудь редкое, необычное... такое, чем в силах одарить лишь Архивы.

– Боюсь, я не совсем понимаю, сын Хранитель, – сказал Джангер Тали, поразмыслив. – Чучело мамонта?.. Или изваяние женщины без рук и головы, но с крыльями, которое нам недавно доставили с Земли?..

Сеймур Тя не смог сдержать усмешки.

– Думаю, это не подойдет. Зачем ему мамонт, зачем изваяние? К тому же мы не дарим предметов из коллекций Архивов. Запомните, друг мой: что попало в наши хранилища, в них и останется во веки веков. Но вы можете пообещать ему гражданство Авалона.

– Но мы не принимаем иммигрантов! Наши власти запрещают...

– Власти сделают то, что рекомендуют Архивы, – строгим тоном произнес Хранитель. – Да, Джангер, пообещайте ему авалонское гражданство и все положенные льготы: земля, усадьба, избирательное право и биореверсия. Думаю, это сработает... – Сделав паузу, он пробормотал: – Мне нужен этот человек, и я его заполучу. Заполучу! Цена значения не имеет.

Сеймур Тя прервал связь с ночным секретарем, взмахнул рукой, и на экране Информария зажглось: «Потомственный Охотник Калерб, сын Рагнара, внук Херлуфа, правнук Ольгерда, сына Хакона...» «Хороший сюрприз Монастырям!» – мелькнула мысль. Пару минут он смотрел на строчку символов, размышляя, справится ли сын Рагнара и внук Херлуфа с адептом высшего посвящения. Ходили жутковатые слухи, что священник-экзорцист может убить человека с двадцати шагов, спровоцировав остановку сердца или разрыв питающих мозг артерий... С другой стороны, про Охотников первого десятка тоже рассказывали немало чудес и небылиц. Любопытно бы взглянуть на их поединок, подумал Сеймур Тя. Но эту мысль вытеснила другая: экспедиция далекая, опасная, и лучше, если конфликтов не будет.

Внезапно он ощутил усталость. Покинув уютное кресло, Хранитель вышел из кабинета, бросил взгляд на огромного мамонта, миновал галерею с зеркалами, полюбовался на колонны святилища авалл ' тагрим и пересек зал с доисторической обсерваторией. Затем поднялся на лифте к третьему наземному ярусу, где находились камеры релаксации.

Глава 3

Священник

Брат Хакко играл с легким пластмассовым шариком. Мелькнув над сеткой, натянутой поперек стола, шарик отскакивал от упругой поверхности столешницы и попадал в силовое поле. Управлявший им автомат был запрограммирован так, чтобы отражать шарик с различной скоростью и силой и посылать в разных направлениях, иногда совсем неожиданных для человека-партнера. Приходилось побегать, чтобы шарик не коснулся пола – это считалось проигрышем. Обычно режим игры для начинающих выставляли на минимальный уровень, но брат Хакко мог соревноваться с автоматическим устройством в самом сложном варианте тактики, предусмотренном программой.

Вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад... Шарик стремительно мелькал в воздухе, ударялся о столешницу и прыгал вверх. Летала ракетка в руках брата Хакко, то в левой, то в правой; перебрасывая ее, наклоняясь, приседая, подпрыгивая, он молниеносно отражал легкий белый шарик. Его противник-автомат в ракетке не нуждался; его видеодатчики вращались на высоком стержне, следили за человеком, а поле, заменяющее руки, посылало шарик туда, где достать его всего труднее.

Когда-то на Земле, в далеком, очень далеком прошлом, игра называлась теннисом, настольным теннисом, но это название было давно забыто. Никто не помнил, на какой планете придумали эту игру, в какие миры ее увезли колонисты, каких инопланетников научили держать ракетку и бить по шарiku, в какие галактики отправились потом эти люди, бывшие земляне, бывшие жители Офира, Гендерсона, Планеты Башен, Зеленой Двери. Память о том исчезла, и о самой игре забыли – разве что в Архивах, собиравших всякую всячину, могла сохраниться древняя видеозапись.

Пинг-понг, пинг-понг, пинг-понг!.. Шарик стучал, летая туда и обратно, туда и обратно. Человек, отражавший удары, двигался плавно, но с неуловимой глазом быстротой. Он был невысок и худощав, как все уроженцы Полярной; тонкие губы, впалые щеки, крупный рот, темный ежик волос и узкое лицо, которому не помешала бы биопластика или генетическая реконструкция. Не уродливый и не красивый, просто лишенный ярких индивидуальных черт, того, что может вызвать неприязнь или симпатию, не говоря уж о более сильных чувствах, о ненависти или любви. Заурядные черты, незапоминающееся лицо... Но его глаза пугали: в тот миг, когда он резко бил по шарiku, черная радужка расплывалась, зрачок становился огромным, тьма заполняла всю поверхность глазного яблока. Не глаза, а пара обсидиановых кристаллов...

Возможно, в Архивах были не только записи, но даже название этой игры и других забытых развлечений, изобретенных в давние годы на сотнях, тысячах обитаемых планет. В прошлом таились богатства, не нужные Миру Галактик, игры с шариком, обручем, мячом, с кеглями, клюшками, битами, игры на ледяной арене, на поле с травой или в бассейне, игры с фигурками, которые передвигали по доске, с кубиками, костями и разрисованными кусочками картона. Их описания хранились в Архивах, но играть самому и смотреть видеозапись – такие же разные вещи, как живое искусство и память о нем. Архивы помнили, Монастыри знали, умели и обращали знание к собственной пользе.

Для этого была немаловажная причина. Земельные угодья, мастерские и космические производства, которыми владели Монастыри, давали работу послушникам и рядовым монахам, миллионам принявших обет безбрачия, лишенных пола, дома и семьи. Но в жизни есть и другие радости, кроме труда, благочестивых размышлений и служения божеству, и им нужна какая-то замена. Святые Отцы и адепты высшего посвящения занимались метафизи-

кой, метемпсихозом и изучением Тайн Бытия; это так поглощало их, что многие продляли жизнь с помощью реверсии, хотя такая практика в Монастырях не поощрялась. Для остальных игры были отличным приложением творческой и физической энергии; кому-то нравилось гонять мяч, кому-то – двигать по доске фигурки, бросать кости или развлекаться картами. Это спасало от сожалений о потерянном, и потому игры в Монастырях процветали.

Туда и обратно, туда и обратно, туда и обратно... Пинг-понг, пинг-понг, пинг-понг...

Но брат Хакко не сожалел о прошлом и занимался игрой вовсе не от скуки. Собственно, то была еще не игра, а ее преддверие, всего лишь разминка. В огромном зале он находился один. Хотя на сей счет не имелось распоряжений от отца-настоятеля, братья, по молчаливому уговору, старались ему не мешать и вообще не попадаться на глаза. Для этого были все возможности – монастырь, крупнейший на Полярной, занимал огромную территорию у внутреннего моря Краффи, и в парке, окружавшем монастырские строения, хватало уединенных мест. Много лет назад, когда Хакко, став адептом, удостоился кое-каких привилегий, он выбрал башню на скале, что нависала над морем, и поселился в ней с двумя учениками. Ученики, отбыв положенный срок, уходили, кое-кто даже покинул Полярную, отправившись в обители в других мирах, но брат Хакко пребывал на той же скале у морского берега. Правда, и ему случалось странствовать по Великим Галактикам, когда была нужда в его искусстве экзорциста. Обычно ему поручали миссии умиротворения, ибо он мог изгнать из души человека любых зловредных тварей – гордыню, тщеславие, ненависть, жажду убийства и, разумеется, непочтительность к Монастырям. Иногда такие процедуры требовали экстраординарных мер, но брат Хакко крови не боялся.

Вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад... Внезапно он отбросил ракетку, его зрачки расширились, рот приоткрылся, сделавшись узкой щелью, пересекающей лицо. Он замер в неподвижности, но шарик, как и прежде, летал над столом, иногда так стремительно, что в воздухе на миг появлялась белесая полоска. Звук изменился – теперь слышались только удары о стол: понг, понг, понг! Брат Хакко отбивал шарик усилием воли, и это было гораздо проще, чем прыгать и приседать с ракеткой. Он упражнялся в таком режиме несколько минут, потом остановил шарик над своей половиной стола и резко выдохнул. На стол посыпались осколки пластика.

Брат Хакко глядел на них, скривив тонкие губы. Для любого адепта такая власть над мертвой материей была бы большим достижением, для любого, но не для него. Легкий хрупкий пластмассовый шарик... С камнем равного объема, даже с костью или деревом такого эффекта не добиться. Он сознавал, что владеет уникальным даром, но границы его тоже не являлись тайной: силой мысли или воли не пробить металл, не стереть в порошок даже мелкую гальку, не поднять в воздух этот стол, даже не сдвинуть с места... Впрочем, плоть людей, как и человеческая психика, были гораздо более хрупкими, чем камень или металл.

«Чем сложнее система, тем она уязвимее. Особенно если знаком с анатомией», – подумал брат Хакко и отступил от стола. Потом, сложив ладони палец к пальцу, поднял их к груди и прошептал:

– Бозон Творец! Ради велений Твоих и мощи Твоей!

Он вышел из здания. Этот невысокий, но длинный корпус современной постройки предназначался для спортивных занятий, всевозможных игр и других подходящих братии развлечений. За ним вставали древние башни монастыря, а перед прозрачной стеной фасада тянулся до самого моря сосновый лес. Небо, как всегда, выглядело сумрачным, серо-свинцовым, ветер яростно раскачивал кроны сосен, деревья поскрипывали, стонали, но крепко цеплялись за твердь земную мощными корнями. Полярная была суровым миром, на треть покрытым льдами, с солнцем-цефеидой, которое даже в пике излучения на могло растопить ледники. Для скудной неприветливой жизни и человеческой расы, зародившихся здесь, это казалось привычным, но переселение с других планет шло вяло, и обитатели Поляр-

ной почти не смешались с другими гоминидами. Расстояние до Земли, ближайшего центра галактической экспансии, не превышало трехсот светолет, но земные колонисты прилетели сюда в ничтожном числе и быстро растворились среди автохтонов. Правда, вклад они внесли существенный, назвав планету так, как она числилась нынче в звездных каталогах: Полярная, четвертый мир Полярной звезды, самой яркой в созвездии Малой Медведицы и самой близкой к северному галактическому полюсу – разумеется, если смотреть с Земли... Земляне были эгоцентричным племенем и, распространяясь в Галактиках, давали звездам и мирам свои названия. Наглый грубый народ, жадный до чужого... Брат Хакко не любил землян.

Он направился к корявым низким соснам, чьи ветви скрещивались и переплетались над головой, вращались в соседние стволы, держась друг за друга с такой отчаянной решимостью, что зимние бури могли повалить весь лес, но не отдельное дерево. Ветер продувал его хламиду, но брат Хакко был привычен к холоду. Собственно, к зною тоже; весь диапазон температур, которые не убивали сразу человека без скафандра, в одних сандалиях и легком балахоне, столь же подходил ему, как вечное теплое лето – жителям Авалона.

В лесу порывы ветра стали почти незаметными. Брат Хакко шел к своей башне на морском берегу, размышляя о новом поручении Конклава и о том, поможет ли эта миссия приблизиться к Великим Тайнам Бытия. Возможно, они уже известны другому человечеству, людям или не совсем людям, что обитают за гранью Распада?.. Великие Тайны не поддаются научному знанию, нет теорий, что могут объяснить их, и нет приборов, чтобы связаться с божеством или измерить вес покинувшей тело души. Прибор один – сам человек! Его мозг, его сознание! Вот универсальный инструмент для разговора с богом, вот способ, чтобы задать вопрос и получить ответ! Но разум ограничен, и даже голос избранных божество не слышит... Ограничен у тех гомо сапиенс, что в границах Распада, однако другой человеческий вид, с иным строением мозга, мог больше преуспеть! Косвенное подтверждение тому – их долгая жизнь... Возможно, они достучались до божества и получили награду за свое упорство... Если так, то что это значит? Можно ли считать, что они – праведники, а остальные – мы! – греховны? Не подрывает ли это фундамент веры, саму идею Монастырей? В таком случае...

Мелодичный сигнал прервал его раздумья. Брат Хакко коснулся маленького диска на вороте своей хламиды, и перед ним возникло лицо Имм Форина, Левого Длани отца-настоятеля.

– Во имя Жизни и Света, брат! Святые Отцы призывают тебя!

Адепт кивнул и выключил переговорное устройство. Затем ровным неторопливым шагом направился обратно к спортивному комплексу, обогнул его и вступил под своды главной монастырской башни. От ее стен веяло холодом тысячелетий; ходили легенды, что именно здесь, на Полярной, в этом здании, были некогда учреждены Монастыри. Впрочем, в Галактиках насчитывалось еще сорок две планеты, приписывающих эту честь себе.

Гравилифты, тепловая завеса и другие современные удобства в нижних ярусах башни отсутствовали. Брат Хакко стал подниматься по крутой лестнице, бормоча под нос:

– Святые Отцы! Какие Святые Отцы? Откуда они тут взялись?

Лишь одна персона в Монастыре носила этот титул – его преподобие отец-настоятель, который также являлся членом Конклава. Кто-то прилетел?.. Прилетел с новостями о предстоящей миссии?.. И не только с новостями?..

Во время игры с ракеткой и шариком сердце брата Хакко билось ровно, но сейчас ритм сердцебиений сделался чаще. Справившись с этим признаком волнения, он продолжал подниматься. В башне было двенадцать ярусов, и отец-настоятель обитал на самом верхнем.

Лестницу украшали голографические картины с эпизодами Большого Взрыва. Разумеется, никто из людей не мог присутствовать при этом священном событии, но Конклав давным-давно утвердил канон, как следует его изображать: Бозоны рисовали алыми, и не

круглыми, а слегка вытянутыми к центру соударения, разлет их частиц напоминал многокрасочный фейерверк, а Первый Свет, рожденный при ударе, непременно делали золотистым. В храме, с его огромными витражами и голографиями, эти картины заставляли трепетать сердца.

Брат Хакко поднялся на последний ярус. Здесь, в помещении с полукруглой стеной, зияли стрельчатые окна, прикрытые тепловыми завесами. С высоты был виден Греддах, самый крупный город Полярной; от угодий Монастыря его отделяли сосновый лес и узкий залив моря Краффи. Над городом клубился туман – очевидно, работали климатические установки.

Скудно обставленное помещение служило отцу-настоятелю чем-то вроде приемной. На лавке, накрытой синим потертым паласом, сидели четверо слуг-послушников, крепкие откормленные молодцы, способные при нужде спустить с лестницы непочтительного монаха или всыпать ему горячих розгами. Рядом с лавкой торчал автомат для приготовления напитков, модель столетней давности; его матовый корпус потускнел, кое-где его тронула ржавчина. Левая Длань Имм Форин располагался за столом у связного устройства и экрана Информария, но стол тоже выглядел скромно: металлические ножки и панель из пластика. Кроме стола, табурета Левой Длани, лавки с ковром и древнего автомата, в комнате не было ничего.

– Ты не торопился, брат Хакко, – промолвил Имм Форин. – Нехорошо! Заставил ждать отца-настоятеля!

Адепт уставился на Левую Длань, тот отвел глаза и слегка побледнел.

– Наверное, ты был далеко... В своей башне у моря?..

Брат Хакко по-прежнему молчал, буравил Имм Форина взглядом, пока у Левой Длани не начали стучать зубы и дергаться веки. Молодцы на лавке сидели тихо, не шевелясь, старательно изображая на сытых мордах почтение.

Выдержав долгую паузу, адепт произнес:

– Куда?

– С-сюд-да... – заикаясь, ответил Имм Форин и ткнул перстом в нужную дверь.

В стене напротив окон было две двери. Одна открывалась в суровую келью с каменным холодным полом, убогим светильником в нише и деревянным стулом, выдавшим лучшие времена. Здесь отец-настоятель принимал монахов, выслушивал их просьбы и покаяния, отпускал грехи, карал и миловал, а иногда награждал. Никто из побывавших тут не мог бы сказать, что настоятель дни свои проводит в довольстве, сидит на мягком, спит в тепле и ест что-то иное, кроме жидкой похлебки и каши из овса. Глава Монастыря, как и другие высокие иерархи, считался праведником и подвижником.

Другая дверь вела в его личные покои. Перешагнув порог, брат Хакко очутился в узкой тесной камере, под всевидящим оком робота-стража. В лоб ему смотрел ствол разрядника, два других ствола целили в грудь и в затылок, у потолка раскрылись щели с форсунками – через них мог подаваться ядовитый газ либо препарат, вызывающий оцепенение и беспамятство. Долгие четыре секунды брат Хакко стоял здесь с окаменевшим лицом, не двигаясь, не моргая и даже не дыша; потом впереди раскрылась диафрагма входа, он сделал пару шагов и глубоко вздохнул, втянув теплый благоухающий воздух.

– Присаживайся, достойный брат, – раздался голос настоятеля. – Ты, должно быть, удивлен... Боюсь, Имм Форин слегка перестарался, программируя охранного робота. Но у нас высокий гость, и мы должны обеспечить ему безопасность. – Настоятель повернулся к сидевшему рядом человеку и отвесил вежливый поклон. – Святой Отец Гхор Милош Руэда.

– Я не удивлен. – Брат Хакко равнодушно пожал плечами и опустился в кресло, обтянутое шкурой пустынного барса с Сервантеса. Он не глядел по сторонам; ему случалось бывать в покоях отца-настоятеля, и обстановку он помнил до мелочей. Комната была уют-

ной и теплой, с удобной мебелью, но без излишней роскоши, если не считать обивки кресел, шкур на полу и жутковатых звериных голов, украшавших стены. Настоятель считался экспертом в инопланетной зоологии, особенно в части фауны диких миров, где водились всякие причудливые создания.

– Наш гость, Святой Отец Гхор Милош Руэда, вел переговоры с Архивами от имени Конклава, – сказал настоятель. – Вопрос решен: ты, брат, участвуешь в экспедиции. – Он выдержал паузу. – Участвуешь как наблюдатель, а потому будь осторожен в своих решениях, но тверд.

Брат Хакко покосился на гостя. Такие редко встречались в Галактиках – не загорелый, не смуглый, а угольно-черный, как парадный сапог лейтенанта-десантника Звездного Патруля. Шея иерарха над воротом сутаны и его широкая физиономия были темны, как ночные небеса, являя странный контраст с вьющимися седыми волосами и алым одеянием. Губы полные, глаза яркие, и взгляд не прячет, что уже хорошо... Немногие могли смотреть в лицо адепту.

– Я возглавляю департамент информации и слышал о вас, брат Хакко, немало впечатляющего, – звучным голосом промолвил Гхор Милош Руэда. – Бунт на Шамбале... и еще та давняя история с властями Планеты Башен... Похвально, очень похвально! Воистину ваш талант приносит нам великую пользу! Уверен, что и на этот раз вы будете столь же энергичны и во всем блеске проявите свой дар. Разумеется, если возникнет в том нужда.

Департамент информации... Этот эвфемизм обозначал секретную службу Монастырей, с которой брату Хакко приходилось иметь дело, причем не единожды.

Он молча склонил голову. Затем произнес:

– Информация?

– Здесь.

Вытряхнув из рукава сутаны алый молитвенный кристалл на цепочке, гость протянул его брату Хакко. Ладонь Гхора Милоша Руэды казалась посветлее кожи шеи и лица, пальцы были длинными, цепкими. Гладкий овальный кристалл, символ Творящего Бозона, лежал в ладони Святого Отца как младенец в люльке.

Приняв его, брат Хакко с сомнением подергал цепочку.

– Серебро?

– Серебро, прошитое мономолекулярной кайларовой нитью. Не порвется, – успокоил его иерарх. – В кристалле запись, которую сможете открыть только вы. Небольшое ментальное усилие... Вы ведь способны зажечь свечу, обычную свечу из воска?.. Так вот, необходимо что-то в этом роде.

Кивнув, брат Хакко надел цепочку на шею и спрятал кристалл за ворот своей хламиды.

– Было бы полезно, ваше преподобие, сообщить достойному брату состав экспедиции, – сказал отец-настоятель. – Как говорится, у предупрежденного за пазухой лишний метательный нож.

Гхор Милош Руэда сложил на коленях темные руки.

– С этими людьми не будет проблем. Номинальный глава – доктор Аригато Оэ из Научного Дивизиона Архивов, видный ученый, и с ним два ассистента. Это научная часть экспедиции – биохимик, антрополог, ксенобиолог... Все они авалонцы.

Авалонцы! В последней фразе иерарха чувствовалось легкое презрение. Авалон был миром вечного света, прекраснейшим местом во Вселенной, мечтой и предметом зависти многих и многих. Волею случая авалонцам досталась звездная система с парой вполне стабильных солнц, с пятью пригодными для обитания планетами, с неисчислимыми ресурсами энергии, руд и минералов, служивших сырьем для сотен космических производств. Высокий уровень технологии, армия роботов, транспортный флот и поддержка Внепланетарных Поселений сделали авалонские товары одними из лучших в Галактиках. Богатство Авалона

стало пословицей, но, как бывает всегда, не обошлось без оборотной стороны: авалонцев считали изнеженными себялюбцами. Что было недалеко от истины.

– Кто капитан? – спросил брат Хакко.

– Ковальский, Пилот Архивов. Весьма опытный. – Выдержав паузу, Святой Отец добавил: – Он с Шамбалы.

Священник пожал плечами.

– На Шамбале не знали моего имени.

– К тому же те, кто устроил мятеж против Монастырей, давно мертвы, и прах их развеян над океанами планеты, – вмешался отец-настоятель. – Не думаю, что возникнут проблемы.

– И я на это надеюсь. Но! – Призывая к вниманию, Гхор Милош Руэда поднял палец. – Пока нам не удалось выяснить истинный возраст капитана. Если он хотя бы раз проходил биореверсию, то, возможно, является очевидцем известных нам событий.

– Тогда стоит его заменить, – сказал отец-настоятель.

– Вряд ли такое получится, – откликнулся Святой Отец. – Нельзя проявлять настойчивость, это вызовет подозрения. Архивы и так пошли на большие уступки.

– Я справлюсь, – произнес брат Хакко. – Расскажите о корабле и его оснащении.

– Корвет-разведчик сверхдальнего радиуса действия. Вооружен, на борту роботы, в том числе боевые.

Отец-настоятель удивленно всплеснул руками.

– И только один пилот? Как он справится со всем этим?

– Бортовой компьютер – интеллектуальное устройство. Кроме экспедиционного корабля снаряжается транспорт с контейнерами веществ, которые могут пригодиться на планете.

– Есть яды? – спросил брат Хакко.

– Нет. Только то, что предназначено для защиты населения в различных ситуациях. Предсказать их заранее невозможно, детальная информация о катастрофе отсутствует. Все в вашем кристалле, брат Хакко... все, что предоставлено Архивами и что удалось получить... гмм... другим путем.

– С этим я ознакомлюсь. – Священник прикрыл глаза и на минуту погрузился в размышления. Затем произнес: – Может потребоваться что-то необычное... Они берут с собой синтезатор?

– Да. – Кажется, Святой Отец Гхор Милош Руэда был удивлен. – По моим сведениям, синтезатор уже доставлен из Внепланетарного Поселения Вавилон. Причем не полевой, а планетарного класса. Это важно?

– Пока не знаю. Может быть, он мне пригодится.

Иерарх встал, и отец-настоятель с братом Хакко тоже поднялись. Темное лицо Гхора Милоша Руэды было торжественно и серьезно. Откинув рукава алой сутаны, он сложил ладони палец к пальцу, опустил голову и погрузился в молитву. Настоятель и адепт тоже молились – молча, смиренно, истово.

Потом гость сказал:

– Теперь я дам вам последнее напутствие. – Он вытянул руку, и брат Хакко опустился на колени. – Будьте справедливы в своих деяниях, будьте милосердны и добры, не руководствуйтесь гневом или пристрастием, измерьте и взвесьте, брат мой, прежде чем поступить так или иначе, но, приняв решение, идите до конца без страха и жалости. Да пребудет с вами Бозон Творец! Ради велений Его и мощи!

Брат Хакко много раз слышал эти слова, которыми провожали в путь адептов. Привычная формула благословения, напоминавшая, что ему предстоит решать, где проходит граница между Добром и Злом – или, что еще труднее, между Злом меньшим и Злом большим.

Он поцеловал руку иерарха и поднялся с колен.

– Иди, достойный брат. Иди и выполняй свой долг, – в один голос сказали Святые Отцы.

Через секунду он очутился в камере, под оком робота-стража, и стволы излучателей снова целили ему в лоб, в грудь и затылок. Возможно, то было испытанием, придуманным настоятелем, или мелкая подлость Левого Длани Имм Форина, который не любил и боялся брата Хакко. То или другое, но никак не забота о безопасности приезжего иерарха. Что могло ему грозить в самом тихом уголке Галактик?.. Тысячи лет на Полярной не случалось бунтов против Монастырей и местных владык, люди не восставали друг на друга, не делили земли, славу и богатства, так что история человечества была здесь менее бурной и кровавой, чем в других мирах. Борьба с холодом, ветром, льдом и снегами отнимала много времени и энергии, сил для резни не оставалось.

Брат Хакко спустился вниз, вышел из башни, и ветер опять набросился на него. Он шагал, не замечая холода и яростных порывов приближавшейся бури, шагал и думал о трех авалонцах. Вряд ли они выжили бы на Полярной... изнеженные люди, чья воля мягка, как растопленный воск... Прав Святой Отец Руэда, с ними проблем не будет.

Глава 4

Корабль

Снаружи корвет впечатлял: темный удлиненный корпус с плавными обводами, плосковатое днище, выступы оружейных башен и двигателей планетарного маневра, впереди – клювообразный нарост отсека управления. Он был похож на дельфина, парящего в солнечном свете над поверхностью астродрома Второй луны, окруженного конусами стартовых башен. В зеленоватом искусственном небе, не знавшем туч и облаков, круглился гигантский диск Авалона, в зените сияло дневное солнце, ночное светило же и Первая луна прятались за ликом планеты. По широкой равнине астродрома тут и там были разбросаны корабли, галактические лайнеры, яхты и пассажирские суда внутрисистемных линий, небольшие челноки для сообщения с авалонскими городами, роботы для ремонтных работ в пустоте. Но огромным транспортам и крейсерам места здесь не нашлось; боевые корабли Звездного Патруля и военный флот Авалона базировались на Первой луне, а грузовым судам любая планета, даже с тяготением в четверть стандартного, была недоступна. Для них существовали заатмосферные доки и перевалочные узлы.

Величиной корвет вряд ли уступал легкому крейсеру, но это не делало его подходящим для большой команды. Разведчик сверхдальнего действия был заполнен множеством устройств и механизмов, которые могли пригодиться на границах Распада, в Диких Галактиках, еще не породивших жизнь. Двигатели Берроуза – в двойном комплекте, системы защиты и жизнеобеспечения – в тройном, гравипривод, волновой гаситель, ангары с авиетками и наземным транспортом, оружие, охранные роботы, запасной энергоресурс, трюмы, забитые снаряжением... Места для немногочисленного экипажа оставалось не так уж много: по правому борту – командная палуба «А» с рубкой, лабораториями, медицинским блоком и модулем дублирующего управления, по левому – палуба «Б», пассажирская. Коридор, шесть кают, отсек гибернации и оранжерея с крохотным бассейном. Здесь, в оранжерее, они и собрались.

– Я – капитан Ковальский, родом с Шамбалы, пилот Архивов, Дивизион Астронавтики, – произнес невысокий мужчина в оранжевом комбинезоне с золотыми нашивками. – Добро пожаловать на борт «Людвига Клейна». Я представлю вас друг другу и кораблю, но до этого вы можете оглядеться. Сообразить, кто есть кто, – добавил он с кривой усмешкой.

Оглядеться... Для Калеба, Потомственного Охотника, это было привычным занятием. Он умел смотреть так, что предмет внимания, человек или зверь, не догадывался, что его разглядывают.

Обстановка: довольно просторный отсек со световыми панелями и сводчатым потолком высотой в три человеческих роста. В дальнем конце – кабина для воздушного и водного массажа и небольшой овальный бассейн; трое поместятся, а вот четвертый уже вряд ли. По стенам и потолку вьется плющ с большими зелеными листьями, внизу под стенами – газоны: четыре жасминовых куста, две пальмы, карликовый кедр и еще одно дерево, похожее на дуб. Вся растительность – из тех пород, что модифицированы специально для космических оранжерей. Между газонами – скамья и столик. У люка, ведущего в коридор, – площадка с шестью легкими креслами из разноцветного пластика. Спрятаться негде, даже в бассейне: воды в нем чуть выше пояса.

Люди: четверо мужчин и девушка. Капитан стоит – вероятно, чтобы казаться повыше. Роста небольшого, зато плечи могучие и грудь выпуклая; вероятно, очень сильный человек. Смуглый, бородатый, резкий и властный, с быстрой реакцией пилота. Уроженец Шамбалы,

что в Галактике Шекли. Планета была необитаемой до колонизации, и он явно происходит от земных переселенцев.

Шамбала, крутилось в голове у Калеба, Шамбала... Что-то он слышал об этом мире, что-то случилось там, но, кажется, еще до его рождения... Может быть, говорил отец?... Вспомнить ему не удалось, и он переключился на мужчину, сидевшего в голубом кресле.

Классические черты лица: прямой нос, высокий лоб, изящный разрез глаз, небольшая борода... Безукоризненная внешность, и сложение ему под стать: не мускулистый, но и не тощий, все в меру и на своем месте. Очень, очень ухоженный... Типичный авалонец. Судя по острому взгляду, прожил немало и немало повидал.

Рядом с ним, в синем кресле, девушка. Тоже типичная авалонка. Молодая – похоже, не проходила реверсию. Выглядит скучной, а так красотка, ничего не скажешь! Носик точеный, глазки карие, огромные, губы яркие, волосы до пояса, и в них то светлые, то темные пряди... Фигурка соответствует, все при ней... Надо будет заняться, решил Кaleb. Что с того, что скучает, даже грустна?.. Может, любимый песик сдох или кибер-визажист лишнюю ресничку выдернул... Дело поправимое! Развеселим!

По другую сторону от авалонца – еще один с той же планеты. Очень крупный, рослый, но какой-то безликий, физиономия выражает не больше, чем обтесанное бревно, даже не скажешь, какого он возраста. Улыбается, но улыбка как приклеена... Станный тип! Приглядеть бы за ним...

Последний член экипажа сидел напротив авалонцев, но не около Калеба, а подальше, так что между ними помещалось оранжевое кресло капитана, сейчас пустое. Щуплый субъект в балахоне до пола, лицо узкое, как лезвие секиры, глаза и волосы темные, рот точно щель, прорезанная клинком... Священник и, несомненно, высокого ранга. Кaleb ощущал исходящую от него угрозу с той же ясностью, как гипнотизирующий взгляд удава с Пьяной Топи. Наниматель, тот важный сын из Архивов, с которым он общался на Авалоне, ничего не сказал об этом человеке, кроме имени: брат Хакко с Полярной. Более подробные инструкции Кaleb должен был получить на борту корабля.

Авалонец, сидевший в голубом кресле, разглядывал его. Девушка хмуро уставилась в пол, безликий тип улыбался – рот до ушей. Священник выглядел спокойным, его взор блуждал по увитым зеленью стенам.

– Продолжим, – нарушил молчание капитан. – Глава экспедиции – доктор Аригато Оэ с Авалона, биохимик и физиолог, Научный Дивизион Архивов. Представьте ваших людей, дуайен.

Авалонец поднялся.

– Доктор Десмонд, ксенобиолог, мой ассистент, – негромко произнес он. – Второй ассистент – доктор Дайана Кхан, антрополог и моя жена. Оба из Научного Дивизиона.

Десмонд, продолжая улыбаться, встал и отвесил поклон, девушка лишь кивнула. Казалось, ее мысли блуждают где-то очень далеко.

– Информация для команды. – Капитан сложил руки на могучей груди. – В точке финиша, на планете, куда мы доберемся предположительно через девяносто семь стандартных суток, все мы подчиняемся сыну доктору. В пространстве, во время пути туда и обратно, я ваш командир. Я отвечаю за вашу безопасность и требую, чтобы мои приказы выполнялись без возражений. Ясно?

– Да, почтенный сын, – ответил за всех Десмонд, одарив капитана лучезарной улыбкой. Тот поморщился.

– Не сын. Не почтенный сын, не Ковальский и не сын Ковальский. Капитан! Так вы должны ко мне обращаться. Одно из правил, которые вам нужно соблюдать.

– Есть и другие? – внезапно спросила Дайана Кхан. Голос у нее был мелодичный, но с легкой хрипотцой. Она по-прежнему ни на кого не смотрела.

– Есть, но об этом позже, – сказал капитан и повернулся к священнику. – Брат Хакко с Полярной, представитель Монастырей. Адепт и экзорцист.

Наступила тишина. Затем Аригато Оэ промолвил:

– Уточните ваш статус, брат Хакко.

Священник поднялся с потупленным взором. Странное чувство охватило Калеба – этот монах напоминал экзопланету, недоступную для наблюдателя, чье присутствие замечалось лишь по малым возмущениям звездной траектории. Планета, однако, существовала в реальности и, кажется, таила неприятные сюрпризы.

– Я наблюдатель, только наблюдатель, капитан и достойные сыны, – пробормотал брат Хакко, склонив голову. – Наблюдатель и помощник во всех ваших делах, угодных Творящим Бозонам. Я также буду возносить молитвы об успехе экспедиции и здравии всех ее участников.

– Это похвально, – отозвался капитан. – Шестой член экипажа – Потомственный Охотник Калев с Земли, сын Охотника Рагнара, внук Херлуфа, правнук Ольгерда, сына Хакона... Дальше не помню. Может быть, остановимся на этом, Охотник?

– Да, – сказал Калев, небрежно помахав рукой. – Но если кто-то желает, я могу назвать еще сорок поколений своих предков. Все они были достойными и очень галантными людьми. – Он бросил многозначительный взгляд на доктора Кхан, но зря – та и бровью не повела.

– Родословные землян повергают меня в ужас, – заметил дуайен экспедиции. – Древняя планета, где за каждым – хвост вплоть до мифических героев, таких, как Геракл, Чингисхан, Цезарь и Будда.

– Не поминайте ложных богов и демонов, брат мой, – строго произнес священник. – Их имена запятнаны злыми деяниями, ибо они...

Кровь бросилась в лицо Аригато Оэ. Прищурившись, он прервал монаха гневным жестом.

– Запятнаны! Возможно, эти люди, если они не миф, не были образцом добра и благочестия... Но что сказать о Монастырях? Наш капитан с Шамбалы... Напомнить, что там сотворили?

– К этому мы не причастны. Как бывает во время мятежа, его предводители чего-то не поделили, и началась всеобщая резня, – спокойно молвил брат Хакко.

– Неверная информация, – вмешался Десмонд, упершись в подлокотник огромным кулаком и привстав со своего зеленого кресла. – Есть данные о том, что кровавую бойню спровоцировали Монастыри. Планету умиротворил Звездный Патруль, и сохранились показания его офицеров, записи, сделанные под ментоскопом. Вы лжете, брат Хакко.

Странно, но улыбка не покинула лицо ксенобиолога и казалась такой искренней, словно он преподнес брату Хакко одни комплименты.

– Священники не лгут, брат мой. Может быть, я плохо информирован... кто в мире без греха?... – вздохнув, сказал адепт. – Но не надо о прошлом, достойные сыны, вернемся к настоящему. Я не знал, что в экспедиции будет Охотник. Позвольте спросить – для чего?

Калев мог поклясться, что глаза доктора Аригато Оэ торжествующе сверкнули.

– Не желаете о прошлом?... Понимаю, понимаю... – с явной издевкой протянул он. – Что ж, поговорим об Охотнике. Калев, сын Рагнара и внук Херлуфа, один из лучших в своем Братстве. На него возложена функция защиты – разумеется, на планете, когда мы окажемся среди туземцев.

– Я готов защитить вас даже от разъяренной толпы, если будет на то воля Творца.

– А если не будет? Ваш дар действует на людей, а борги не совсем люди... Так что, брат мой, я полагаюсь на вас не больше, чем на пустой мешок.

Щеки священника порозовели, губы сжались. Или это только почудилось Калебу?

– У нас на Полярной говорят: не щупай товар, пока не купил, – пробормотал брат Хакко. – Мой дар действует на всех гоминидов, сын. Скоро вы в этом убедитесь.

– Хмм, на гоминидов... На животных тоже? Если нам встретится зверь с клыками в палец, вы и его сумеете очаровать?

– Для защиты от зверей есть роботы. Охотник нам не нужен.

– Нам? Это, брат Хакко, неопределенное понятие. Есть мы трое, научная экспедиция Архивов, и Высокая Коллегия, озаботившись проблемой безопасности, решила, что нашей группе необходим Охотник. И есть вы, наблюдатель от Монастырей... Наблюдайте в свое удовольствие и молитесь Бозону Творцу, Всемогущему Кванту и Святым Суперструнам! В ином качестве вы мне не нужны.

– Смиренно принимаю ваши слова и ваше решение, – процедил монах сквозь зубы. – Тем не менее, достойный сын...

– Брек! – громко и властно произнес капитан Ковальский. Он следил за перепалкой, раскачиваясь на носках вверх-вниз и поворачивая голову, будто орудийную башню, то к одному, то к другому спорщику. – Брек! Я ожидал чего-то подобного, так как вы еще не команда, не экипаж, связанный общими целями, а сборище идиотов. – Тут капитан покосился в сторону доктора Десмонда с его неизменной улыбкой. – Едва очутившись на моем корабле, вы затеяли свару, а это недопустимо! Сына Кхан спросила, есть ли другие правила... Есть. Например, вы должны снять свои тряпки и облачиться в полетные комбинезоны... Но главное правило – никаких ссор на борту! Никаких! – рявкнул Ковальский. – Людвиг этого не понимает!

Калев не был удивлен – в странствиях по Великим Галактикам ему доводилось летать на кораблях, считавшихся почти одушевленными существами. Интеллектуальным модулем комплектовали суда-разведчики типа «Людвига Клейна», уходившие в Дикие Галактики, к рубежам Распада, а также корабли Ордена Защиты Среды Обитания и других ликвидаторов чрезвычайных ситуаций. Удовольствие дорогое, зато можно перебросить груз и людей без многочисленной команды, которую приходится снабжать воздухом, пищей и жизненным пространством. Однако бортовой компьютер с интеллектом, равным человеческому, отличался странными фобиями и капризами. Самой распространенной причудой был взгляд на пассажиров и капитана как на элементы структуры корабля, которой полагалось находиться в максимально точном гомеостатическом равновесии. Любой конфликт на борту расценивался как дестабилизация и мог иметь самые серьезные последствия для неуживчивого экипажа. По этой причине интеллектуальные суда снабжались устройством гибернации.

– Повторяю, – сказал капитан, – никаких склок и проявлений неприязни! Даже голос не повышайте! Только вежливые дискуссии, без упоминаний крови, резни, мятежей и разъяренных толп! Иначе отправитесь в холодильник до конца путешествия! Ясно?

Пять пассажиров кивнули. Потом Дайана Кхан окинула взглядом оранжерею и прошептала:

– Он... ваш Людвиг... все слышит? Прямо сейчас?

– Сейчас, милая сына, он спит, но, пробудившись, будет все слышать и видеть – все, что происходит на борту. Но так как он не человеческое существо, ему непонятно, с чего один придурок орет на другого. А потому, сыны, мир, мир, когда вы под оком Людвига! – Внезапно капитан ухмыльнулся. – По пути у нас будет две остановки, и вы можете свести счеты, покинув корабль. Только глотки друг другу не перережьте! Я обязан доставить вас на Борг живыми, и я это сделаю, клянусь Великими Галактиками!

Калев смотрел на девушку. Смотрел так, как умеют Охотники – искоса, незаметно, словно бы интересуясь зарослями плюща за ее спиной. Прошло четыре дня, как он покинул Опеншо, и воспоминания об Инес ар ‘ Гауб, ее покорных губах и робких ласках, были еще свежи. Дайана Кхан походила на вдову несчастного Гауба не больше, чем брат Хакко

на брата Павла с заштатной планетки в Галактике Пяти Спиралей. Как и эти два монаха, Инес и Дайана казались существами разных пород, и их несходство, отличия облика, голоса, одежды, чаровало Калеба, ибо он ценил в женщинах разнообразие. Женщин он любил, и они отвечали ему взаимностью. Охотник слишком одинок, и труд его слишком опасен, чтобы пренебречь теплом и кратким забвением, какое обещают их тела. Но эта авалонка выглядела такой холодной, такой далекой и печальной... Ее глаза и губы не сулили радости.

– Старт через шесть часов. У вас будет время, чтобы натянуть комбинезоны и распаковать свой багаж, – сказал капитан. – Теперь пройдем в рубку. Людвигу пора проснуться и познакомиться с вами.

Они перебрались в коридор, миновали отсек гибернации и жилые каюты – на дверях были написаны их имена – и остановились в поперечном проходе, соединявшем палубы «А» и «Б». Здесь находились гравифиты, которые вели на нижний уровень, из жилой зоны в трюмы и ангары, а напротив них – массивный люк. Ковальский открыл его, приложив к замку браслет коммуникатора.

Рубка встретила их непроницаемой тьмой. Она была узкой и тесной, и шесть человек едва поместились за пилотским ложементом. Капитан на ощупь обогнул его, что-то сделал в темноте, и тут же вспыхнул свет. В воздухе раскрылись экраны внешнего обзора, зажглись сенсорные панели, скользнул алый блик над пультом управления оружием, с тихим звоном включился навигационный модуль. Рубка словно ожила: перемигивались на панелях огоньки, слева от кресла пилота повисла схема внутренних коммуникаций, навигатор снова зазвенел и озарился зеленым – знак того, что полетная легенда считана в блок прокладки курса.

Ковальский погладил пульт широкой ладонью, словно дитя приласкал.

– Просыпайся, лентяй! Пора за работу.

– Готов служить, капитан. Начал расчет первого прыжка, а их, кажется, будет немало. Далеко же мы собрались!

– Как думаешь, долетим?

– Не сомневайтесь.

Голос! Кaleb увидел, как вздрогнул священник, как доктор Аригато Оэ открыл в удивлении рот, как взметнулись ресницы его красавицы супруги. Голос Людвиг был ни мужским, ни женским – мальчишеский дискант, какой бывает лет в десять-двенадцать, до начала мутации. Причуда капитана?.. Очень, очень странная! На кораблях, где он бывал, звучали женские голоса, контральто или сопрано. Понятный выбор для пилотов, чья жизнь проходит в замкнутом пространстве и часто – в полном одиночестве.

Снова раздался тонкий мальчишеский голос:

– Кто эти люди, капитан?

– Наши пассажиры, Людвиг, наш новый экипаж. Экспедиция за Край Распада.

Ковальский стал называть имена, Людвиг слушал, только один раз перебив капитана, когда тот добрался до прекрасной авалонки.

– Приветствую вас на борту, сыона Дайана. Женщины здесь бывают нечасто, особенно такие красивые.

– Вы ему понравились, сыона, – сказал капитан. – Думаю, он захочет с вами говорить. Будьте снисходительны, он тоже нуждается в приятном обществе.

Ресницы Дайаны Кхан снова взметнулись.

– Конечно, капитан. Я буду только рада.

Ковальский назвал имена брата Хакко и Калеба, потом устроился в ложементе и произнес:

– Идите в свои каюты и переоденьтесь. Людвиг бодрствует, так что можно обращаться за помощью и советом. Если пожелаете перекусить, скажите ему. Я буду здесь. Началась предполетная подготовка.

Он вытянулся в кресле и закрыл глаза. Авалонцы, священник и Калевб один за другим покинули рубку. Калевб вышел последним, уловив обостренным чутьем Охотника едва различимые звуки. Людвиг что-то шептал капитану – может быть, делился впечатлениями о новом своем экипаже. Или просто напевал?..

Калевб шагнул в коридор, люк закрылся, и звуки исчезли.

* * *

Его жилой отсек был довольно просторен. Каюта три на пять метров, с легкой пластиковой мебелью и стенными шкафами, стены окрашены в приятный желтоватый цвет, потолок светится золотистым. Напротив двери, над столом, – щель автомата доставки, а повыше – большой квадратный экран, имитация окна. Никаких изображений, только молочно-белая поверхность в темной коричневой раме. Слева, под шкафами, диван и кресло, на диване – два объемистых контейнера с имуществом и полетный комбинезон, тоже желтый. Справа – два узких проема, перекрытых прозрачными створками: один ведет в спальную нишу, другой – в санблок, к удобствам. Там виднелись сетчатые головки душа, зеркала, черный зев утилизатора и остальное – все, что положено. Осмотревшись, Калевб решил, что жилище вполне приемлемое. Конечно, не апартаменты первого класса на лайнере Транспортного Союза, которым он летел на Авалон, но, с другой стороны, не общий кубрик на орденском корабле. Орден Защиты Среды Обитания был его частым нанимателем; такая работа считалась почетной, но платили скудно.

Калевб раскрыл контейнеры. В них были ножи и длинные клинки из нитридной стали, не уступавшей прочностью алмазу, излучатели и другое оружие, два комплекта доспехов, шлемы с устройствами связи, одежда, плащ-хамелеон и кое-какие лекарства – «охотничья аптечка», как называли ее в Братстве. Все это вряд ли могло пригодиться на борту корабля, и он уже собрался переместить контейнеры в шкаф, но вспомнил про брата Хакко. Вспомнил, вытащил иньектор, бросил на стол и вновь запечатал контейнеры.

Тихий перезвон раздался в каюте, а вслед за ним – голос Людвига:

– У вас много оружия, сьон Калевб. Зачем?

– Я возьму его на Борг. Я должен охранять наших ученых. Так сказано в моем контракте.

– Но на борту есть все, что может вам понадобиться.

– Не все. – Калевб хлопнул по крышке контейнера. – Ты не представляешь, что тут хранится.

Он сунул контейнер в шкаф, потом убрал второй.

– Что же? – поинтересовался Людвиг.

– Не могу ответить на твой вопрос. У нас, Охотников, свои секреты.

Станный звук. Вдох?.. Имитация вдоха?..

– Никогда не встречал Охотника, – произнес Людвиг. – Наверное, это очень романтическое занятие? Как у древних героев и рыцарей?

Калевб усмехнулся.

– Романтическое. До первой встречи с драконом.

– А что потом?

– Потом дракон сносит рыцарю голову. Все, конец! Само собой, если зазеваешься.

– Ты шутишь, сьон... – Снова подобие вдоха. – Если бы... – Пауза. – Если бы я превратился в человека, то стал бы Охотником. Это так интересно!

– Да, – согласился Кaleb. – Сегодня ползаешь в болотах Пьяной Топи, завтра гоняешь крыс на Сервантесе, пока желчный пузырь не лопнет... Зато интересно. – Он стащил одежду, свернул ее комом и направился в санитарный блок. – Куда это девать, Людвиг?

– В утилизатор, сын. На борту тебе не понадобится другая одежда, кроме комбинезона.

– Вот что, Людвиг... Не называй меня сын. Просто Кaleb.

– Принято. Просто Кaleb.

Он встал под душ. Острые тугие струйки били сверху, снизу, со всех сторон.

– У тебя мускулы как канаты, – снова раздался тонкий голос. – Как канаты, как змеи... Сравнение из одного старинного романа, который я читал. И у тебя шрамы... на груди и еще на боку... Откуда?

– На боку – память о пиявках с той самой Пьяной Топи. На груди... Это неприятная история, Людвиг. Не люблю ее вспоминать.

– Почему ты не убрал эти шрамы? Простая косметическая операция... я могу ее выполнить в медицинском блоке.

– Не в наших обычаях. Сколько ни есть у Охотника шрамов, все его.

– Как летопись подвигов?

– Нет, как память о неудачах и просчетах.

Душ отключился. Потоки теплого воздуха высушили тело.

– Ты расскажешь мне о своих приключениях? – спросил Людвиг.

– Если хочешь. – Калебу чудилось, что он беседует не с бортовым компьютером, а с любопытным мальчишкой. – Приступать прямо сейчас?

– Как-нибудь потом. В полете у нас будет время.

Он вернулся в каюту, взял со стола инъектор и прилепил над коленом. Потом натянул желтый комбинезон.

– Это устройство на твоей ноге – оружие?

– Нет. Это капсула с особым препаратом. Зелье, как называют его Охотники.

– Для чего?

– Так, на всякий случай. – Кaleb улегся на диван и вытянул ноги. После душа мышцы приятно покалывало. – Скажи, ты говоришь сейчас только со мной?

– Не только. У меня динамически распределенный полиморфный разум. Говорю с тобой, с капитаном и сыном Кхан. Очень милая девушка!

– Охотно верю.

Закрыв глаза, он расслабился. Он размышлял о новом своем контракте. Ему случалось летать с разведчиками девственных миров, ибо любая пригодная для жизни, но незаселенная планета могла преподнести сюрпризы – как правило, неприятные. Ураганы, цунами, землетрясения и другие катаклизмы в его компетенцию не входили, он занимался флорой и фауной, чудовищами, подстерегавшими людей на суше, в воздухе и океанских водах. Рискованный труд, так как о существах, обитавших на планете, не знали ровным счетом ничего. Саблезубые крысы с Сервантеса, пиявки и змеи Пьяной Топи, огромные пауки Биквары, даже черви, гидры и другие паразиты, атаковавшие людей, были знакомым бедствием, и любой Охотник представлял, какой опасностью они грозят и как бороться с ними. Но в неведомом мире правили бал случайность и внезапность. Дерево и даже целый лес мог оказаться всеядной тварью, скала вдруг разевала пасть, превращаясь в гигантского ящера, волны выносили на берег медузу, стреляющую ядом, безобидные на вид птицы рвали скафандр железными клювами. Случайное и внезапное... грань жизни и смерти... Охотник рисковал, и за риск платили. Платили все, кто осваивал новые миры, – Торговая Корпорация, Лига астронавтов, Транспортный Союз и колонисты из множества звездных систем, которым грозило перенаселение.

Но Авалонские Архивы заплатили с небывалой щедростью. Работа была такая же, как и в других экспедициях, что отправлялись к рубежам Вселенной, а вот цена – огромная... Не наличность, хотя и эта сумма удивляла, а льготы и бонусы, что прилагались к ней. Гражданство Авалона! Кaleb никогда не слышал, чтобы Охотника так поощряли, и поначалу отнесся к предложению со здоровым скепсисом. Но съон Большая Шишка, Хранитель Архивов, объяснил, что это значит: дом, земля, бесплатная реверсия и пожизненное содержание. Гражданину полагалась часть доходов от торговли и ссуд, выданных властями инопланетным конгрегациям, и это были немалые деньги. Щедрая плата, очень щедрая! И что бы это значило?..

На ум Кalebу пришли четыре варианта. Возможно, экспедиция была такой опасной, что с полной гарантией он не вернется?.. Но данный случай предусматривался контрактом, и хотя он не имел прямых наследников (дед и отец погибли, а о своей биологической матери он ничего не знал), право на его имущество отходило к Братству. Так и так Архивы заплатят!

Возможно, те, кого он должен охранять, особо ценные персоны?.. Ценные для Архивов и авалонских властей?.. Это, конечно, не бесполой монах с Полярной, а доктор Аригато Оэ с его ассистентами. Скажем, доктор – гений, придумавший такое, что у всех прямая кишка выпадет... разумеется, от восторга... Но что делать гению в опасной экспедиции? Гения берегут, ибо для мира, его породившего, нет ничего дороже. Гении – самый ценный товар во Вселенной, и вряд ли Аригато Оэ к ним относится. Просто толковый ученый, и к тому же раздражительный... Как он сцепился с монахом!..

Возможно, что у съона Большой Шишки был какой-то личный интерес?.. Бозон Творец не разберется с этими Архивами, Монастырями, Орденом и прочей братией... всюду борьба за власть и почет, везде подсиживание и интриги... Вдруг доктор перебежал кому-то дорожку? Метит в кресло Хранителя, а тому не нужен конкурент?.. Есть и другие причины для неприязни, но стоит ли в этом случае нанимать Охотника? Разве что вся экспедиция сгинет бесследно, и с Охотником, и без него...

Кaleb тщательно обдумал эти ситуации, ибо от верного решения зависели его жизнь и честь. За любым контрактом, что предлагались ему и другим Охотникам, стояли люди, обитатели планет и заатмосферных городов либо члены галактических конгрегаций, а люди, как известно, несовершенны. Случалось, наниматели толковали записанное в контракте иначе, чем понимал Охотник, что было поводом к спорам, дразгам, а иногда – к кулачной расправе и вмешательству Малого Третейского Суда. Охотники не любили, когда наниматель маячит за спиной во время работы или пытается их в чем-то ущемить; нередко причиной конфликтов становились неуважение и посягательство на честь. Охотники были известными гордецами.

Итак, обдумав три варианта, Кaleb склонился к четвертому. Вероятно, их полет на край Вселенной не являлся обычной экспедицией для изучения нового мира, а преследовал иную цель, очень важную для галактического человечества, раз за дело взялись Архивы и Монастыри. Он не понимал, что их объединяет, но отрицать это было нельзя: на борту корабля находились ученые Архивов и священник высокого ранга, адепт-экзорцист. И хотя большой дружбы между ними не замечалось, несомненно, их что-то связывало.

Что?..

Он решил не ломать над этим голову. Кто-то из авалонцев – видимо, Аригато Оэ, дуайен экспедиции, – проинструктирует его, и ситуация прояснится. Причин для беспокойства нет. В конце концов, что Архивами обещано, то уже заплачено.

– Хочешь есть? – нарушил молчание Людвиг.

– Нет, благодарю. Я бы чего-нибудь выпил.

– Кофе, сок, фруктовый коктейль, молоко?

– Молоко? – Кaleb фыркнул. – Охотники не пьют молоко. Водка с Земли есть? Или можжевелевый джин?

– Слишком крепкие напитки, чтобы держать их на борту. Есть вино.

– Это уже лучше. Наливай!

Звякнул автомат доставки, из щели выдвинулся поднос с рубиновой жидкостью в стакане. Кaleb покинул диван, выпил в три глотка, поморщился.

– Кисловатое! Откуда?

– Сухое вино с Авалона Амо. Очень хорошее.

– Ладно, сойдет.

На стенах вдруг замелькали голографические картины – морская гладь под розовым солнцем, горы в снежных шапках, ночное небо, усыпанное звездами, полные света городские башни, астродром с серебряной стрелой галактического лайнера. Изображения текли, скользили, наплывали друг на друга; виды природы и городов сменились орнаментами и фрактальными узорами, потом начался парад живых тварей и людей, будто выстроившихся в бесконечную очередь: лица мужчин и женщин, снежный тигр с оскаленной пастью, смеющаяся рожица ребенка, шипастая изумрудная ящерица, длинноногие птицы в голубом оперении, танцующие под луной. Вскоре мельтешение лиц и фигур сделалось таким стремительным, что даже острое зрение Охотника их не различало.

– И что это значит? – щурясь, спросил Кaleb.

– Если пожелаешь, я украшу свое жилище, – раздалось в ответ. – Или у тебя есть голограммы близких? Отца, матери, твоих любимых женщин?

– Женщин было слишком много, чтобы помнить их дольше пяти дней. О матери я ничего не знаю, я родился в стокгольмском инкубаторе. Отец... отца я не забыл. Но в нашем Братстве лишнее с собой не таскают. Воспоминания – тяжелый груз.

– Это верно. – Людвиг замолчал. Мелькание картин на стенах прекратилось.

– Вот что, – произнес Кaleb, кивая на окно-экран над столом, – ты мог бы изобразить тут подходящий пейзаж. Такой, чтобы радовал душу. Тираннозавра, которому я разнес башку на Пятой Кехне... стаю тараканов с Гендерсона – чуть меня не сожрали, пришлось травить их газом... – Он призадумался на секунду. – Нет, лучше мой дом и поместье. Мне не пришлось их увидеть, так полюбуюсь хоть сейчас.

– Что за поместье? – спросил Людвиг.

– На Авалоне. Я теперь авалонский гражданин.

– Большая честь! Поздравляю, Кaleb! – Людвиг сделал паузу. – Где находится твое владение?

– Точно не знаю. Где-то в верховьях реки Тагрим.

– Ты помнишь код своего сертификата?

– Да, разумеется.

Он назвал код, и в окне-экране появилось изображение: скалы на берегу неширокой реки, сосны с золотистыми стволами, луг с петляющей среди трав дорожкой и бревенчатое двухъярусное строение. Черепичная кровля, большие окна, крыльцо с резными столбиками и две башенки по углам... Хорошее место, и дом хорош, решил Кaleb. Надоест жить, приеду сюда умирать.

– Скоро старт?

– Да. Грузят последние контейнеры с оборудованием.

Кaleb покосился на свои ноги, обтянутые желтыми штанинами. Зашел в душевую, поглядел на себя в зеркале. Цыпленок, да и только! Правда, впечатляющих размеров.

– Не дашь ли мне комбинезон другого цвета?

Людвиг хихикнул.

– В оранжерее ты сел в желтое кресло. Это твой выбор, Кaleb. Каюта в желтых тонах, желтое одеяние, желтый скафандр... Таков порядок на борту.

– Значит, синий достался красоте Кхан? Жаль! Синий – мой любимый цвет.

– А желтый тебе совсем не нравится? – с явным огорчением спросил Людвиг.

Кaleb снова уставился в зеркало.

– Оттенок неподходящий. Словно птеник, вылупившийся из яйца... чуть подрастет, и на вертел... Понимаешь, о чем я?..

– Это можно исправить. Встань ближе к зеркалу... да, так... прикрой глаза ладонями... сейчас, сейчас... – Что-то сверкнуло, и Людвиг с торжеством сообщил: – Готово! Ты доволен?

Теперь комбинезон отливал золотом. Ткань на груди, рукава, штанины – темное золото, оплечье – светлое, по бокам – такие же светлые полосы, что спускаются до лодыжек, пояс мерцает сотнями золотистых искр, ворот словно чеканная цепь...

– Костюм героя, – промолвил Кaleb. – Попадись я в таком пиявкам с Пьяной Топи или тараканам с Гендерсона, сдохли бы от страха. Ну ничего, ничего... Попутчики у нас не из пугливых, а красотке Кхан, может, и понравится.

Он вернулся в каюту – и как раз вовремя: из стены выдвинулось массивное кресло, похожее на пилотский ложемент, с окна-экрана исчез речной берег, и теперь на нем высветились орбиты планет звездной системы Авалона. Дневное солнце – яркий пылающий шар, два ближних к нему мира, жарких и бесплодных, затем обитаемые планеты: Авалон Амо, Авалон с его двумя лунами и Авалон Флер. Много дальше от центрального светила – газовые гиганты, а за ними – ночное солнце Авалона, небольшая звезда со своими сателлитами, два из которых обладали подходящей для жизни атмосферой. Большая редкость – стабильная система двух звезд с пятью обитаемыми мирами! А кроме них еще двенадцать лун и спутников газовых планет с искусственно созданной средой, круговоротом вод, морями, континентами, флорой и фауной. В Солнечной системе успехи терраформирования были гораздо скромнее. Когда изобрели двигатель Берроуза, оказалось, что проще найти подходящий для жизни мир у другой звезды, чем преобразовывать Марс и Венеру.

– Старт через три минуты, – раздался голос капитана. – Команде занять места в ложементах.

Кaleb покорно устроился в кресле, и гибкие ремни тут же охватили его конечности и грудь. Корабли, снабженные гравиприводом, набирали скорость без перегрузок и резких толчков, однако полет в околопланетном пространстве требовал особых мер предосторожности. Тут было тесновато – энергостанции с гигантскими зеркалами, спутники навигации и связи, производства и научные лаборатории, транспорты, лайнеры и тысячи малых судов, прибывающих и отбывающих с астеродромов и орбитальных доков. «Людвиг Клейн» считался сравнительно небольшим кораблем, но на высоте нескольких километров к нему пристроилось вedomое судно, контейнеровоз солидных размеров. Осторожно маневрируя, корвет и транспорт поднялись над плоскостью эклиптики и развернулись к шаровым скоплениям над северным полюсом Галактики.

Теперь экран заливала бархатная тьма, расшитая блесками звезд. Рисунок созвездий был непривычен Калебу, но Млечный Путь сиял в небесах Авалона так же ярко, как на Земле – обе планеты находились в Галактике Трех Ветвей, одной из самых крупных в обитаемой Вселенной. Свет туманностей скрывал ее центр, загадочную область, куда не сумела проникнуть ни одна экспедиция – проникнуть, вернуться и поведать людям, какое чудо затаилось за вечным блеском газовых облаков. Астрофизики и космологи полагали, что в центре любой галактики находится черная дыра, гигантская сингулярность в ткани пространства-времени, которая, возможно, соединяет наш мир с анти-Вселенной. Как и почему возник подобный феномен, оставалось неясным, но только для науки – у Монастырей было свое объяснение. Согласно их теогонии, черные дыры, способные поглотить все звезды и планеты, являлись предостережением Творца, клинком, занесенным над грешным человечеством. Меч опустится, и Мироздание исчезнет, если сумма зла, нечестия, гордыни и остальных грехов превзойдет некую границу. Как именно это случится, в Монастырях тоже знали: не вострубят

ангелы, не явится Бог в сиянии и славе, не призовет на Страшный Суд живых и усопших – ничего подобного, просто материя Вселенной свалится в черную дыру, вернувшись в исходное состояние, к двум Священным Бозонам.

– Готовимся к прыжку, – раздался тонкий голосок Людвига. – Будут неприятные ощущения. Не беспокойтесь, дышите медленно и глубоко.

– Не в первый раз, – промолвил Калев.

Знакомая вибрация и гул двигателя Берроуза заполнили кабину. Он стиснул челюсти, чтобы не стучали зубы, но тело его сотрясало, будто каждая мышца, каждая кость, каждая клетка и нерв отплясывали сумасшедший танец. Почти физически он ощущал, как копится, давит, стягивается тугой пружиной чудовищная энергия, готовая вот-вот проломить пространство. Двигатель Берроуза (так он назывался на Земле) позволял мгновенно преодолевать огромные дистанции, сравнимые с масштабами галактик. Вакуум вовсе не был инертной пустотой, скорее ареной приложения множества полей и сил различной физической природы, не позволявших двигаться быстрее, чем летит квант, испущенный звездой. Но при большом – действительно большом! – давлении ткань континуума разрывалась, и перемещаемая масса могла оказаться как угодно далеко, у соседнего светила или на краю Вселенной. В Старых Галактиках нашли способ управлять этим процессом, причем задолго до того, как первая земная обезьяна слезла с дерева и высунула нос из джунглей.

Гул двигателя сменился протяжным стоном, затем на Калебу рухнула тишина. Кабина растворилась в неистовом мельтешении цветных кругов и пятен; они словно бы вылетали с огромной скоростью из невидимого центра и кружились по прихотливым орбитам, двигаясь все медленнее и медленнее, затем сползали за границу поля зрения. Мертвая тишина и световые эффекты являлись, по мнению специалистов, обманом чувств, игрой химических реакций в коре головного мозга, ибо прыжок был вне восприятия человеческих ощущений – в первую очередь слуха и зрения. Человек – невольник времени и, выпадая из его потока, замыкается в микрокосме, где есть только он сам, его тело, его разум, его мысли, фантазии, воспоминания. Внутренний мир полностью замещает внешний, лишенный ощущений организм прячется в склеп небытия, биологические часы не работают, внешних раздражений нет, и зрительный нерв будто бы трудится вхолостую, порождая иллюзию цветных колец и пятен... Все так, но Калебу мнилось, что в каких-то неуловимых для его сознания подробностях эти доводы ошибочны или неполны. Он что-то чувствовал, хотя не мог передать свои ощущения словами; в миг прыжка он словно был всюду и нигде – возможно, превращался в призрака, размазанного на тысячи световых лет от старта до точки финиша.

Пятна исчезли, зрение восстановилось, тишину сменил замирающий рокот двигателя. Вскоре он стих, и палуба под ногами чуть заметно дрогнула – включился гравипривод. В окне-экране снова блеснул серебром речной плес, тянулись к небу утесы, и бежала по лугу дорожка – прямо к дому с двумя башенками.

– Мы в шаровом скоплении Раунфо, – послышался голос капитана. – Команде покинуть ложементы. Ориентация в пространстве и расчет следующего прыжка займут примерно двое суток. Отдыхайте.

Ремни втянулись в спинку и подлокотники кресла. Калев встал.

– Людвиг, покажи, что за бортом.

– Очень красивый вид, Калев. Я бы сказал, величественный.

Экран вспыхнул, словно озаренный взрывом, и Калев, не выдержав этого зрелища, на секунду прикрыл глаза. Сплошной темноты здесь не было, только жалкие клочья мрака тут и там сопротивлялись победному сиянию звезд. Ни Млечного Пути, ни ветвей галактической спирали, ни туманностей, ни редких искр в темноте, ни созвездий невиданных очертаний... Ничего, только вечный яростный огонь...

Звезды! Тысячи, сотни тысяч, мириады звезд!

Глава 5

Шаровое скопление

Жилище доктора Аригато Оэ, оформленное в нежно-голубых тонах, было просторным: кабинет, трапезная и спальня с санблоком. Спальня соединялась с каютой жены, и там голубизну сменял спокойный синий цвет, будивший воспоминание об авалонских океанах. Во всех отсеках – обилие световых панелей; Дайана не любила темноты. Сейчас свет был приглушенным, как в те минуты, когда на смену дневному солнцу восходит ночное, озаряя мир розовым сиянием. Вечер... Вечер на Авалоне, вечер по бортовому времени.

– Ужин на двоих, – промолвил Аригато Оэ. – Что-нибудь легкое – фрукты, тагримское печенье, сок и по бокалу вина.

– Слушаюсь, сьон, – отозвался тонкий бестелесный голос.

– Пригласите Охотника, пусть придет сюда. И вот что еще, Людвиг... В эту ночь я запрещаю прослушивать мою каюту. С данного момента и до утра.

– Мои извинения, сьон. Такой приказ может быть отдан только капитаном.

– Снесите с ним. Капитан в курсе моих полномочий.

Прошли две или три минуты. Потом:

– Я удаляюсь, сьон. Видеонаблюдение тоже отключить?

– Разумеется. Второе кресло в мой кабинет.

По стене пробежала волна. Медленно и плавно появились ножки, подлокотники, сиденье, спинка. Кресло было широким, прочным, рассчитанным на крупного мужчину.

Дверь каюты сдвинулась, пропуская Охотника. Дуайен экспедиции уже не раз встречался с ним, но испытал привычное удивление: этот высокий мощный человек двигался с изяществом и ловкостью танцора. Золотистый комбинезон сидел на нем, словно воинский доспех.

Не дожидаясь приглашения, Охотник опустился в кресло.

– Сейчас вы получите инструкции. Очень простые, – сказал Аригато Оэ. – Нам предстоит работать на планете во враждебном окружении. Вы должны охранять меня и сьону Кхан. Не доктора Десмонда и тем более не священника. Меня и сьону Кхан.

– Приоритет? – спросил Охотник.

– Высший – у меня. Но крайне желательно, чтобы сьона Кхан тоже не пострадала.

– Я понял.

У Охотника были холодные серые глаза. Он не шевелился, но его взгляд снова и снова обегал каюту, ни на чем не задерживаясь, но, вероятно, фиксируя каждую мелочь. Человек, который готов ко всему, в любой момент и в любом месте, подумал доктор. Хороший выбор! Он не ошибся с этим Охотником. Сеймур Тья, изучивший досье Калеба, сына Рагнара, тоже был о нем высокого мнения.

– У вас есть все необходимое? Оружие? Приборы? Что-то еще вам нужно?

– Это зависит от враждебного окружения, которое вы упомянули. Что конкретно? Люди? Животные? Агрессивная среда?

Вздыхнув, Аригато Оэ развел руками.

– Трудно сказать. Предыдущая экспедиция доставила немного сведений, и они большей частью фрагментарны... Кто и что грозит опасностью?... Люди? Почти наверняка. Животные? Возможно. Среда? Не знаю. Планета будто бы стабильна и спокойна, с хорошим климатом... Но может всякое случиться.

– Все, что может случиться, обычно случается, – промолвил Охотник. – Мне мало известно о задачах экспедиции. Хотелось бы узнать побольше.

– Да, разумеется. Доктор Десмонд введет вас в курс дела. Он в лаборатории, устанавливает оборудование, настраивает приборы... Идите к нему прямо сейчас.

Казалось, Охотник удивился.

– Сейчас, съон? Не поздновато ли?

– Доктор Десмонд не нуждается в сне и ждет вас. Идите.

Охотник молча встал, шагнул к двери.

– Еще одно, – произнес глава экспедиции. – Присматривайте за монахом, Калерб. Ему не понравилось, что мы наняли Охотника.

– Я понял.

– Он должен знать свое место. Он – наблюдатель, только наблюдатель. Перед стартом, когда он начал спорить со мной, я уточнил эту ситуацию. Но слов может оказаться недостаточно... Вы справитесь с ним?

– Братец Хакко – адепт высшего посвящения... опасный человек... – Охотник на секунду задумался. – Но это моя проблема, съон.

Он вышел. Дверь беззвучно задвинулась.

– Можно убрать кресло, – сказал Аригато Оэ, но бортовой компьютер не отреагировал. Вероятно, действовали лишь механизмы дверей и устройства в санитарном блоке.

Кивнув с довольным видом, доктор погладил бородку и направился в трапезную. Помещение было почти пустым: сервированный для ужина стол посередине, два небольших мягких диванчика и огромный экран с видом на шаровое скопление Раунфо. «Людвиг Клейн» парил над этим звездным островом, и где-то неподалеку висела гигантская ферма с сотнями закрепленных на ней контейнеров – невидимый в ярком сиянии грузовик.

Аригато Оэ считал себя опытным странником, но видеть такое зрелище ему не доводилось. Неудивительно, ведь он занимался мирами, породившими жизнь, а в древних шаровых скоплениях ее быть не могло – разве что в давние, очень давние времена, когда формировались эти звездные ассоциации. Сейчас диаметр Раунфо составлял лишь триста двадцать световых лет, но в этом пространстве светила теснились, как ягоды на виноградной грозди. Десятки, сотни тысяч звезд, красные гиганты, красные карлики и золотистые солнца, подобные земному, но с бесплодными планетами, опаленными жестким излучением... Давление световых потоков было огромно, вихри радиации – губительны; в таких областях Вселенной споры жизни превращались в пар, не долетев до планетарной тверди.

Вошла Дайана. Синий комбинезон с серебристыми искрами подчеркивал тонкую талию и длинные стройные ноги, под легкой тканью колыхались холмики грудей, волосы – прядь светлая, прядь темная – были собраны в корону. Глаза Аригато Оэ вспыхнули, чресла напряглись. Он жаждал ее столь же жаростно, как путник в пустыне мечтает о глотке воды, и временами воду ему подносили – мутную, с запахом плесени, из колодца несбывшихся надежд. Жажда она не утоляла.

Дайана опустилась на диванчик, приложила ладошку ко лбу.

– Эти пространственные скачки... после них у меня болит голова.

– Заглянем в медотсек? – предложил Аригато Оэ.

Она отвернулась. Она вообще редко смотрела на него.

– Не хочу. Выпью немного вина, если ты не возражаешь.

Они поужинали в молчании.

«Прекрасен Авалон, – мрачно думал доктор, запивая соком тагримское печенье, – и был бы еще прекраснее, если бы импринтинг и фрейн-терапию сделали законом. Возможно, нам бы это помогло... возможно, мы стали бы ближе друг другу... А так что мы имеем? Несчастный мужчина, несчастная женщина...»

В спальне царил приятный глазам полумрак, подобный свету авалонской ночи. Они разделись, и Аригато Оэ лег в постель. Дайана распустила волосы и замерла у изголовья ложа. Взгляд опущен, губы сомкнуты, рука лежит на приборе цветных снов.

– Хочешь заняться сексом? Со мной или включить прибор?

Он посмотрел на жену. Ее лицо было безразличным и холодным, как у мраморной статуи.

– Включи. Не буду тебя беспокоить.

Аромат юной женской плоти, моря и цветов... тихий, едва слышный звук дыхания... пряди волос, рассыпавшиеся по подушке... Женщина рядом – губы полуоткрыты, нежные груди с розовыми сосками то вздымаются, то опадают... Он вытянул руку, коснулся бархатистого плеча, и ее губы шевельнулись. Он не расслышал сказанного, но знал, что это слова любви.

Тихо журчал прибор, снова и снова проматывая ленту былого, воздвигая сказочные замки из пепла прошлых лет, расцветивая их огнями минувшего счастья. Доктор Аригато Оэ спал, и на его губах играла улыбка.

* * *

Калев стоял в коридоре, поворачивал голову, ловил тихий гул вентиляторов и шелест листы, долетавшие из оранжереи. Рефлекс Охотника: перед тем, как что-то сделать, прислушаться и оглядеться. Палуба «Б» просматривалась из конца в конец, и видел он только стены, двери кают и световые панели на потолке. Свет был приглушенным; по бортовому времени наступила ночь.

– Ночь, – тихо произнес он. – Ночью люди спят. Однако доктору Десмонду сон не нужен и охранять его не требуется... Забавно!

Забавно и не совсем понятно, думал Калев, шагая к проходу, соединявшему палубы. По одну его сторону находились гравифиты, грузовой и предназначенный для экипажа, по другую – ведущий в рубку люк. Он был приоткрыт, и в отблесках экранов и горевших на пульте огней виднелись пилотский ложемент и торчавшая над спинкой голова капитана.

– Доброй ночи, – промолвил Калев, остановившись перед люком.

Кресло развернулось. Ковальский с хмурым видом уставился на него.

– Страдаешь бессонницей, Охотник? Или с похмелья маешься?

– Нет, мешок ишу.

– Зачем?

– Для трупа.

Капитан мигнул.

– А что, у нас уже есть труп?

– Будет, – пообещал Калев. – Где Охотник, там и покойник.

– Это вдохновляет. Но трупы мы не храним в мешках. Имеется саркофаг для почетного захоронения в пространстве.

– А если без почестей?

– Тогда в утилизатор. На удобрение.

Они глядели друг на друга и ухмылялись. Кажется, разговор забавлял обоих.

– Я тут доктора навестил, по делу, – произнес Калев. – Покои у него просторные, не чета моим.

– Каждой мышке – своя норка. В соответствии со статусом.

– Это я понимаю. Но мне казалось, что все жилые отсеки должны быть одинаковы.

– Можно и так, и этак. Допускаются перемены.

– Наш Людвиг – трансформер?

– Вроде того, но только в части внутренней среды. – Капитан развернул кресло и бросил через плечо: – Приятно было побеседовать, Охотник. Не найдешь мешок, обращайся. Я подскажу, где искать.

Кивнув, Калевб отправился на палубу «А». Здесь было пять дверей с очень широкими проемами – вероятно, для транспортировки громоздкого оборудования. У дальней стены маячила пара андроидов с растопыренными манипуляторами. Грузчики, подумал Калевб и произнес:

– Мне нужен доктор Десмонд. Где он, Людвиг?

Одна из дверей отъехала в сторону.

– Сюда, Калевб. Второй лабораторный отсек.

Помещение было просторным. Большую его часть занимала изогнутая подковой труба метрового диаметра, одним концом уходившая в стену. У другого висели в воздухе панели с мигающими огоньками, кожух был раскрыт, и здесь копался Десмонд, что-то настраивал или проверял, касаясь жезлом-пробником разноцветных ячеек. Для столь крупного и на первый взгляд неповоротливого человека он делал это с удивительной ловкостью.

Ксенобиолог поднял голову, бросил взгляд на Калеба и сразу расплылся в улыбке.

– Чем занят? – спросил тот.

– Это линия-автомат для биохимических анализов. Нуждается в точной юстировке.

– Творец в помощь. – Калевб придвинул высокий табурет и сел. – Что ты можешь мне рассказать, сын доктор? О Борге, планете, куда мы летим, и ее обитателях?

– Сначала не о Бorge. – Десмонд закрыл кожух прибора, повел рукой, и огоньки на панелях погасли. – Знаком ли сын Охотник с теорией космической панспермии? С общепринятыми взглядами на зарождение и эволюцию жизни на планетах?

– Ну-у... – протянул Калевб, – в какой-то степени. Лучше повторить.

– Так и сделаем, сын. Считается, что споры жизни возникли в момент Большого Взрыва или вскоре после него, опустились на множество планет Вселенной и, если условия были подходящими – я имею в виду наличие вод, тяготение, температурный баланс и все остальное – споры не погибали, но инициировали жизнь. В мирах с особо благоприятной средой эта жизнь быстро развивалась, порождая растения, животных и, наконец, разумные создания. В данный момент в Великих Галактиках существуют тысячи человеческих рас, возникших вполне самостоятельно, с небольшими отличиями друг от друга, но с единым генофондом. Это доказано тонкими исследованиями, описывать которые нет нужды, – сын Охотник отлично знаком с рядом интегральных эффектов, подтверждающих единство человечества. Во-первых, – Десмонд стал загибать пальцы, – облик людей, их физиология и анатомия. Во-вторых, способ размножения. Как демонстрирует процесс колонизации, звездные народы скрещиваются без проблем и порождают новые, вполне жизнеспособные расы. В-третьих, естественный срок жизни, который колеблется в диапазоне от семидесяти до ста двадцати стандартных лет. И, наконец, в-четвертых, сходная восприимчивость к психотропным веществам, волновой терапии, алкоголю, медицинским препаратам и средствам продления жизни...

Он говорил серьезные вещи, но улыбка была словно приклеена к губам. Улыбка-обманка, улыбка-маска... Что за ней скрывалось?.. Какие эмоции обуревали его?.. Был ли он храбр или труслив, добр или злобен, уравновешен или вспыльчив?.. Калевб этого сказать не мог, хотя неплохо разбирался в людях. Физиономия как доска, а в ней щель с великолепными белыми зубами... Эта безликость раздражала Калеба. Его отношения с братьями по роду-племени были непростыми – одних он защищал, других убивал, с третьими торговался, с кем-то мог разделить вино и хлеб, кого-то презирал и ненавидел. Необходимо мнение о человеке, который окажется рядом с тобой среди опасностей нового мира, нужно знать, каков он

и на что способен. Правда, он не нуждается в опеке, как сказал Аригато Оэ... Но почему?.. Умеет защищаться сам?..

Десмонд, скрестив на груди мощные руки, продолжал монотонно бубнить:

– Итак, до сего момента Вселенная мыслилась как обитель разумных существ с единым генетическим кодом, определяющим их облик и прочие особенности. Но на Борге мы столкнулись с непохожим на нас человечеством, которое, возможно, является одной из тысяч рас другой Вселенной или другой ее части, оплодотворенной иными жизненными семенами. Теперь нельзя исключить, что столкновение бозонов Кларка – не уникальный феномен, что подобное случалось в прошлом и будет случаться в будущем, всякий раз порождая особую жизнь, отличную в генетическом плане от той, которую мы считали единственно возможным вариантом. Это ведет к существенной смене парадигм, и потому...

Калев прервал его, стукнув кулаком по колену.

– Великие Галактики! Не надо о парадигмах, а то у меня моча посинеет! Скажи, эти борги в чем-то не похожи на людей? Монстры? Чудовища? Уроды?

– Нет, почему же... Есть кое-какие внешние отличия, но в генотипе и физиологии их больше... вероятно, больше.

– А точнее?

– Срок их жизни втрое, вчетверо превосходит человеческий... разумеется, без учета реверсии.

– Что еще?

Десмонд пожал плечами. Они были заметно шире, чем у Охотника.

– Мало данных. Экспедиция Архивов, нашедшая их, почти целиком погибла. Трое убиты, четвертый прилетел обратно, но лишился разума. Видимо, туземцы очень агрессивны и не любят чужаков.

– Ну, уже кое-что... Они исследуют космос?

– Нет. Предположительно, у них архаическая цивилизация. Паровой двигатель еще не изобретен, но архитектура впечатляет... Правда, записей немного, и снимки сделаны с орбиты.

– Ваша группа будет их изучать? Их биологию, обычаи, искусство и остальное, что интересно Архивам?

– Разумеется, но не это главная задача. Они вымирают, съон Охотник, полностью вымирают, вся планета... во всяком случае, таковы выводы первой экспедиции. Вот проблема!

– Вымирают? Почему? Какая-то болезнь?

– Неизвестно. В материалах первой экспедиции отмечен странный факт: кажется, наши ученые попытались установить причину, и за это их убили. – После паузы ксенобиолог все с той же улыбкой добавил: – Мы будем осторожнее. Мы должны разобраться с этой ситуацией и, по возможности, оказать помощь. Такова главная цель.

– Хмм... – пробормотал Калев, – хмм, убили... и правда, странно... – Потом спросил: – Эти ваши парни... погибшие... как они действовали?

– В рамках стандартных правил: трое спустились на планету, четвертый остался на корабле. Когда произошло несчастье, он полетел к наземной базе, чтобы забрать тела и поместить в реаниматор. Но их растерзали... ужасное зрелище... его психика не выдержала.

– Откуда известны эти подробности?

– У них был такой же корабль, как у нас, – я имею в виду с интеллектуальным модулем. Корабль вел записи. Благодаря этому кое-что удалось выяснить. Ты можешь просмотреть эти материалы. Они в памяти бортового компьютера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.